

Элли Ринн

Заключение Кимберли Франкс



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Элли Ринн

Заключение Кимберли Франкс

<https://litres.ru/74196463>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жизнь — это сложная и не всегда понятная игра, напоминающая карточный домик. В течение трёх лет я строила её, но как только ветер подул в мою сторону, она рухнула, оставив за собой лишь руины.

Спустя два года Кимберли переезжает в Россию со своей матерью. Она работает на Алексу и помогает ей с работоторговцами, которые похищают девушек из клуба Светланы, но сталкивается с трудностями, к которым не была готова. Сможет ли она снова жить счастливо? Вернется ли она к Крису? И какие сюрпризы подготовила ей жизнь на этот раз?

Содержание

САУНДТРЕК ДИЛОГИИ «РАССЛЕДОВАНИЕ»	4
ВАЖНО	6
Пролог	8
Глава 1. Молчание на вес золота	17
Глава 2. Камера пыток	36
Глава 3. Счастливого дня смерти	66
Глава 4. Воскрешение	87
Глава 5. Отрицание	107
Глава 6. Ус	132
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Элли Ринн
Заключение
Кимберли Франкс

САУНДТРЕК ДИЛОГИИ
«РАССЛЕДОВАНИЕ»

HKG Knights — Your Fave

ПЛЕЙЛИСТ

Matthew Koma — Kisses Back

Sol Seppy — Move

Euringer — Be Afraid of Who You Are

J Rongson — Everything Is Fine

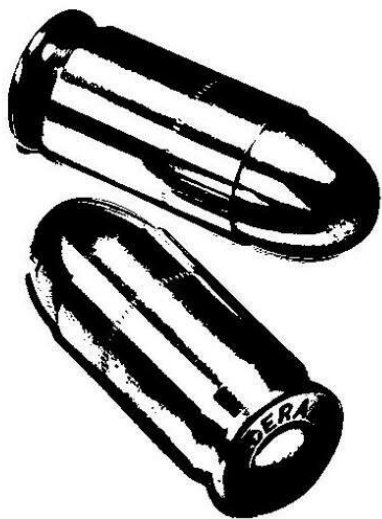
Starset — My Demons

Reignwolf — Over & Over

Adam Lambert, Blood Diamonds — Ghost Town (Blood Diamonds Remix)

Crystal Castles — Year Of Silence

Melane Martinez — Pacify Her



ВАЖНО

Дорогие читатели, это вторая часть диалогии «Расследование», которая не уступает места первой части по количеству детального описания сцен насилия рейтингом NC17-21. В книге присутствуют триггерные моменты, посттравматическое стрессовое расстройство, галлюцинации, которые могут путать вас при прочтении, употребление алкогольной и табачной продукции, склонность к самоповреждениям физически и морально. В этой части присутствуют мрачные и пугающие сцены происходящие НЕ между главными героями!

Все действия и мысли Кимберли спровоцированы ее психологическим расстройством, но это никак не оправдывает ее поведения в книге.

Данное произведение является художественным вымыслом и предназначено для развлекательных целей! Автор не поддерживает и не пропагандирует преступный образ жизни.

Помните, что употребление наркотических веществ, алкогольной и табачной продукции вредит вашему здоровью. **Незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов причиняет вред здоровью, их незаконный оборот запрещен и влечет установленную законодательством ответственность.**

Предупреждения:

Жестокие психологические и физические пытки

Ненадежный рассказчик

Газлайтинг

Суицидальные мысли

Самоповреждения

Нецензурная брань

Пролог

«Привет, пап. Если ты слушаешь эту запись, то знай, ты понял кто я на самом деле. Признаюсь, мне стыдно, что я все скрывала от тебя, но и ты должен меня понять. Я не псих и не маньяк, но я и не обеляю себя. Хочу извиниться перед тобой, но ты сам знаешь, как сложно мне это дается».

Я перематываю запись на диктофоне из раза в раз на самое начало.

Мы похоронили отца неделю назад, после этого мы с мамой уехали из Калифорнии. Как же я благодарна Алексе за ее помощь. Она купила мне квартиру, наняла для мамы охрану, потому что мы не живем с ней.

На деньги, которые я получила с продажи Кавасаки, я купила маме квартиру отдельно от себя, ведь чувствую вину перед родителями. Из-за меня убили папу, из-за меня мама снова одна, это все из-за меня.

Мама никогда меня ни в чем не винила и сейчас этого не делает. Она звонит мне несколько раз в день, интересуется моим состоянием, а я всегда отвечаю, что все со мной нормально.

От диктофона меня отвлекает уже четвертый за день звонок от мамы.

— И снова привет, мам.

Я ставлю телефон на стол, подпирая тот стопкой книг,

чтобы мама лучше видела мое лицо.

— Как твои дела? Тебя ничего не тревожит? Может, хочешь поговорить о чем-то?

— Дела как обычно, и нет, меня ничего не беспокоит, — выдавливаю я улыбку. — О чем я могу с тобой поговорить? Мы уже все темы для разговоров перебрали.

— Ты мне не рассказывала про свои два месяца моего отсутствия, — неловко посмеивается она.

— Мам...

— Я тебя не заставляю, но если ты хочешь поделиться со мной, то я всегда открыта для разговоров.

— Я знаю, но я пока не готова. Пожалуйста, только не расстраивайся.

— Нет-нет, я не расстраиваюсь, все хорошо.

На экране высвечивается дозвон от Алексы.

— Мам, я позже тебе перезвоню.

— Хорошо, до встречи.

Я завершаю разговор с мамой и отвечаю на звонок Алексы.

— У тебя есть черная рубашка и брюки? — С ходу начинает та.

— Я не знаю, я еще не разбирала чемодан.

— Тогда жди водителя через пять минут, одежду я тебе дам.

— Что? Зачем? — недоумеваю я, накручивая на указательный палец прядь черных волос.

— Потом все объясню.

Алекса завершает звонок.

У меня есть ощущение, будто я стала для нее собачкой на цепи.

Я падаю спиной на кровать, устремляя свой взор в потолок. С каждым днем мне все сложнее дышать, жить и существовать, как среднестатистический человек в этом мире.

За все хорошее нужно платить.

Я не хотела расплачиваться жизнью своего отца.

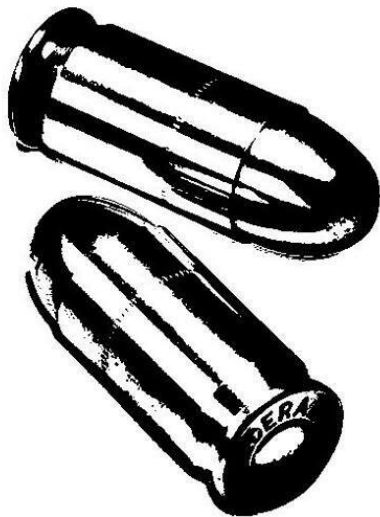
Номер, с которого мне пришло сообщение, так и не смогли отследить. С момента убийства отца я постоянно вспоминаю слова Марка: «Тело Тома не было найдено». Я не верю, что он выжил. Я всадила в него больше двух пуль, он бы задохнулся от дыма или сгорел заживо. Он не мог выжить.

Дверной звонок заставляет меня вскочить с кровати от страха, выводя из самобичевания. Я подхожу ко входной двери и, открыв ее, передо мной стоит человек Алексы.

— Мисс Франкс, Алекса приказала привезти вас к ней.

— Да, минуто.

Я обуваюсь, беру телефон с ключами и закрываю дверь.



Как я поняла, Алекса обожает пафос. Слишком уж хорошо она устроилась. Отравила мужа, встречается с Кэшем и руководит отцовской ОПГ. Зависть? Скорее удивление ее выносливости и мужеству. Она усовершенствовала свои навыки ораторского мастерства, не убивалась после смерти отца в отличие от меня. Пока я не могу взять себя в руки — Алекса пашет как проклятая.

Как-то раз я у нее спросила, зачем она так старается, но та лишь пожала плечами и ответила, что она трудится ради

будущего для своих детей. С Кэшем она не так давно, но, видимо, настроена решительно.

Меня привозят к двухэтажному особняку, это резиденция, в которой проходят собрания главарей ОПГ, ведь Алекса все еще стоит под вопросом. Она не может полностью заправлять группировкой.

Водитель выходит из машины, открывает дверь с моей стороны, и я выхожу на улицу.

— Мисс Франкс, пройдемте за мной.

Я иду за ним, пряча руки в карманы толстовки. Октябрь в России холодный, пасмурный и... унылый, но я понимаю, что на меня влияет моя нестабильность, а не погода. Нас встречает Алекса, которая сразу же набрасывается на меня с распростертыми объятиями.

— Кимми, как я рада тебя видеть!

— Мы виделись пару дней назад.

— А я уже по тебе соскучилась. Пошли, тебе нужно переодеться.

— Подожди, — останавливаю я ее пыл. — Зачем я здесь? Объяснись.

Алекса вздыхает, покачивая головой.

— Малышка Кимми, сегодня совершится переворот в мире русской мафии, — обнимает она меня за плечи.

— Что ты имеешь в виду?

Я не замечаю, как девушка уже завела меня в резиденцию.

— Сегодня решается вопрос о передаче сети в мои хруп-

кие женские руки, но этого не произойдет из-за трех старперов, которые почитают традиционные методы передачи правления.

— Я не понимаю тебя, — хмурю я брови от ее долгого вступления.

— Ты их уберешь, — коротко, но резко для меня отвечает та.

— Я?! Почему ты сама не можешь этого сделать?

— Кимми, я и так дел натворила до такой степени, что у меня хотят забрать отцовский бизнес, а меня саму отправить в один из блядушников города.

И она так спокойно об этом говорит?

К нам подходит светловолосая девушка и протягивает мне одежду.

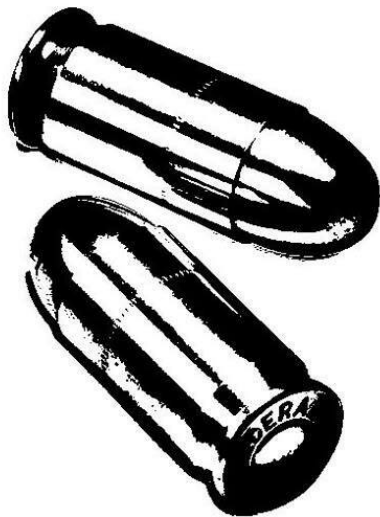
— Кимми, это Инга, моя лучшая подруга, — знакомит она нас.

— Привет, приятно с тобой познакомиться. Саша много про тебя говорила, — мило улыбается она мне.

Лучшая подруга?

От ее заявления в моей груди будто что-то закипело и взорвалось. Не понимаю, почему так остро отреагировало мое тело, видимо, я внушила себе, что мы теперь с Алексой лучшие подруги или что-то в этом роде. Хотя я и не претендовала на это место, но в груди все еще что-то щемит.

Я забираю у Инги одежду и молча киваю, уходя в комнату, чтобы переодеться.



Алекса заходит в зал переговоров. Это обширное место, на стене весят флаги России и СССР, огромный круглый стол, за которым сидят трое мужчин в костюмах, видимо, это те самые старперы, о которых говорила Алекса.

Я стою в дверном проеме, Инга позади меня, а Алекса встает напротив мужчин, держа руки за спиной.

— Благодарю, что уделили мне время.

— Александра, мы вроде уже обсуждали твоё место в сети. К чему этот балаган? — говорит мужчина посередине на

русском.

Я плохо понимаю русскую речь, но некоторые слова распознаю.

— Речь не про мое место, — посмеивается она. — Я хочу представить вам нового телохранителя. Она лучшая в своем деле.

— Она? — переспрашивает мужчина слева.

— Именно. Кимберли, проходи.

Выходя из тени, на меня сразу летят их взгляды, от которых мне становится противно, но я сохраняю хладнокровие, приближаясь к Алексе.

— Эта девушка лучший наемник Калифорнии, и она согласна работать на меня. От вас всего лишь требуется соглашение с моим предложением.

Поправка, меня не предупреждали о работе на Алексу. Лучший наемник Калифорнии? Что она вообще несет?

Мужчины переглядываются между собой, и тот, что в середине, оценивающе разглядывает меня. Они выглядят как трехглавый дракон или Цербер из древнегреческой мифологии, охраняющий сеть от рук Алексы.

— Александра, мне напомнить про того Эрика, который хотел тебя убить? Ты же знаешь, что мы не принимаем людей с запада.

— Что же, я предполагала, что вы не согласитесь с моей идеей, но у меня есть другой вариант, — вскидывает она руку. — Кимберли, покажи им свои умения на практике.

Я взвожу курок пистолета за своей спиной, наставляю дуло на того, что посередине, и нажимаю на спусковой крючок. Три выстрела, каждому из них по свинцу между глаз.

— Теперь все согласны, — улыбается Алекса, — Поздравляю, Кимберли Франкс, теперь ты присоединяешься к моей сети.

Переворот. Изменения. Действие, которое будет иметь последствие в будущем.

Александра Брук стала единственной обладательницей русской сети.

Глава 1. Молчание на вес золота

ДВА ГОДА СПУСТЯ

Алекса навещает меня два раза в неделю. Этого мало, но она не может разорваться между мной и работой, я ее понимаю и не осуждаю.

Я чувствую себя обузой для нее.

Я никто для нее, но она заботится обо мне, как о сестре. Она записала меня к психотерапевту, и сама его оплатила, даже с моими возгласами и противоречиями она не слушала меня. Я благодарна ей за это, но мне тошно от своей же беспомощности. Тошно от всего. Тошно, что я еще живу.

У меня появилась стабильность — работа. Я работаю на Алексу. Мы изменили правила ОПГ, но не так сильно, чтобы к ней не было претензий. Мы держим под собой несколько точек: рестораны, бары, клубы, отели и стриптиз-клубы. Там мы отлавливаем работоторговцев. Ублюдков, которые вербуют девушек от шестнадцати лет и продают их. Можно было сказать, что девочки сами пошли, но они не знали, что под предлогом работы моделью они будут в сексуальном рабстве у извращенцев. Мать Алексы является владелицей одного из стриптиз-клубов в городе, где чаще всего отлавливают девушек только от восемнадцати лет. Им ничего не предлагают и никуда не зовут. В VIP-комнатах им подмешивают снотворное в алкоголь, а потом просто забирают, и Светлана знала

об этом.

Никогда бы не подумала, что мать Алексы настолько ужасная. Ее волнуют деньги, которые она получает за продажу девочек.

С мамой я не созванивалась с того момента, как убила трех главарей ОПГ. Мне все рассказывает Алекса.

Мой психотерапевт сказал, что мне нужно обо всем рассказать маме.

Рассказать весь тот путь ужаса, который я прошла, чтобы найти ее. Но я боюсь. Боюсь, что она возненавидит меня, вычеркнет из своего прошлого и меня, живую дочь. Забудет обо мне. У нее есть младший ребенок. Кто бы хотел оставлять своего ребенка с убийцей? Никто. Я самый настоящий убийца, я должна была сгнить в тюрьме. Я не Карма, больше нет, я не являюсь судьей и палачом для тех, кто умер от моих рук, я не имела права так поступать.

А они имели? Им можно было вырывать из меня кусок души таким образом? Им можно было меня обманывать и предавать?

Мой разум снова делится на два лагеря: один говорит, чтобы я поделилась с матерью своей болью, а другой — просит терпеть и молчать до последнего.

— Как давно ты что-нибудь ела?

Да, я не ем. В меня не лезет банальный кусок тоста. Я с трудом открываю глаза по утрам, надеясь на то, что я умерла во сне, а тут еще есть надо.

Звук захлопывающейся дверцы холодильника выводит меня из глубин самосознания, и я поднимаю голову на Алексу, пожимая плечами.

Я притягиваю к груди колени и обвиваю руками свои плечи. Эта поза стала для меня любимой, в ней я ощущаю себя защищенной и отгороженной от всего мира.

— Ким, ты же понимаешь, что тебе нужно есть? — Алекса подходит ко мне и кладет свою ладонь мне на плечо, а я молча киваю, чтобы она отстала от меня.

Девушка вздыхает, поглаживая большим пальцем мое плечо. Она хочет что-то сказать, но боится. Почему она боится? Это что-то плохое? Что-то случилось с мамой?

— Что ты хочешь мне сказать? — Слова лезут из меня с большим трудом.

— Ким, я понимаю и уважаю твои чувства, но я боюсь, что от этой новости тебе станет в разы хуже, — предупреждает она.

— Что-то с мамой? — Я поднимаю голову. — С ней что-то случилось?

— Нет, нет, Ким, тише. Успокойся. С Алисой все хорошо.

— Тогда что?

— Крис, он...

— Нет. Я не хочу про него ничего слышать. Он для меня мертв.

— В том-то и дело, Ким. Крис пару месяцев назад пропал, просто исчез со всех радаров. Мы думаем, что это из-за его

дел в бизнесе, — Алекса опускает глаза в пол, продолжая: — Он не выходит на связь, не появляется на людях и мы предположили, что он мертв.

Меня прошибает током, и сейчас я сжимаюсь до мизерных размеров, впиваясь ногтями в предплечья.

Умер? Кристиан умер?

Одна часть меня радуется такой новости, потому что он не заслужил счастливого финала, но другая... другая часть меня разрывается и кричит, плачет и просит сказать, что это тупая шутка. Я затыкаю эту часть, пихаю ее глубже в своем сознании, эта часть должна заткнуться, не вякать и просто сгнить во мне.

— Я понимаю, что ты шокирована этим.

— Нет, — останавливаю я ее. — Все нормально, я ничего не чувствую к нему. Умер и умер. — Это так наигранно прозвучало, что Алекса хмурится, не веря моим словам.

— Я тебя люблю, Кимми, не думай об этом, — обнимает меня девушка, — Мне нужно идти, встретимся завтра в восемь утра. — Она отпускает меня и встает с дивана, я делаю так же. Поднимаюсь. С трудом, но вылезаю из кокона своих конечностей. — Береги себя, — Алекса улыбается и покидает квартиру.

Я стою напротив закрытой двери еще минут пятнадцать, пялюсь в нее и жду, пока Алекса окончательно покинет многоквартирный дом.

Когда она уехала, меня начинает разрывать сильнее. Сле-

зы льются ручьем, тело трясет. Я сажусь у порога на корточ-ки, обвиваю себя руками и плачу. Плачу так сильно, чтобы завтра у меня не было никаких эмоций.

Я плачу из-за Кристиана.

Он умер, а я до последнего верила, что в один из дней в мою квартиру постучат, я открою дверь и увижу на пороге его, но теперь этого точно не будет. Я никогда не почувствую его объятий, поцелуев, не услышу от него то глупое прозвище, которым он меня называл. Мне никто не нужен, кроме Кристиана.

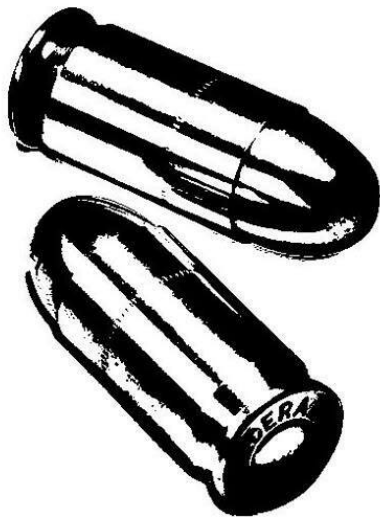
Я два года ждала его, думала, что он придет. Я бы простила его. На самом деле, я давно простила и ждала, но, как оказалось, напрасно.

Мне жутко больно, грудь сжимает, голова болит. Я падаю на пол и продолжаю захлебываться в слезах, пытаюсь задушить себя.

Да, я действительно пытаюсь это сделать.

Я душу себя руками, но ничего не выходит. В последний момент руки сами отдергиваются от горла, и я начинаю каш-лять.

Умри, пожалуйста. Я не хочу больше мучиться, я хочу спокойствия. Я не могу находиться одна в квартире, заби-ваться в угол, как щенок, и закрывать уши с глазами, чтобы не видеть и не слышать галлюцинации, но голоса в голове, они не уйдут. Я устала просыпаться от кошмаров, как меня убивают и пытаются. Я устала, я хочу к Крису.



Из-за того, что я не выпила таблетки, мне удалось поспать два часа, а потом снова начались кошмары.

Меня долго мучили: резали сухожилия на руках и ногах, разрезали рот, выдавливали глаза. А конец всегда одинаковый — смерть.

Я проснулась в холодном поту, в слезах и задыхаясь. Сердце щемит, сжимает и разрывает.

Притягиваю к себе колени, обнимаю их и утыкаюсь лбом. Мне плохо.

Господи, как же мне плохо.

Мое каждое утро — обряд. Я с силой поднимаю свое тело с кровати, заставляю себя почистить зубы, одеться, выпить таблетки и крепкий кофе, а потом я еду к доктору.

Здание, в котором работает мой лечащий врач, находится на окраине города, когда же резиденция совсем в другой стороне. Поэтому часы приемов назначены на шесть утра.

Подъезжая к высокоэтажному зданию, я постукиваю пальцами по рулю, пытаюсь собраться с мыслями и разработать план о том, что я смогу рассказать, а что должно остаться в закромах души.

Я выхожу из машины, ставлю «Мустанг» на сигнализацию (подарок Алексы), и прохожу через револьверные двери.

Людей в такое время никогда не прибавляется, человек двадцать-тридцать, а это только на первом этаже.

В лифт я никогда не заходила, боюсь замкнутых пространств. Поднимаюсь на пятый этаж по лестнице, перешагивая через одну ступень, прохожу в глубь длинного коридора и стучусь в дверь с табличкой: «Психотерапевт Л. Дугварт».

— Проходите, — мужской приглушенный голос приглашает меня зайти.

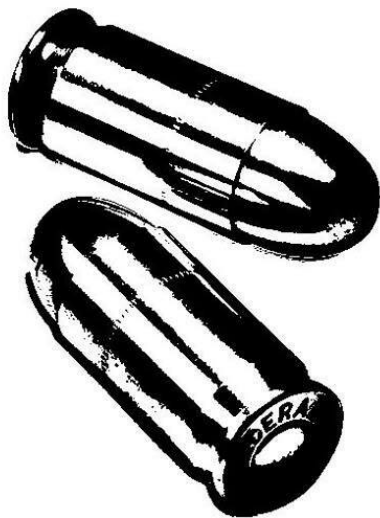
— Здравствуйте. — Я закрываю за собой дверь, прохожу в комнату и сажусь на темно-зеленое кресло напротив Лемми.

Я скидываю с себя ботинки и поддвигаю коленки к подбородку, оббивая ноги руками. Я говорила, что это моя лю-

бимая поза? Если бы можно было так делать на работе и в общественных местах — делала бы.

— Доброе утро, Кимберли. О чем сегодня хотите поговорить? — Приятный, мелодичный голос мужчины всегда вводит в транс. Я чувствую себя спокойно, но, наверное, это из-за его профессии. Лемми же должен так делать со всеми своими пациентами.

— Причина моих кошмаров, — как обычно черство, не смотря в глаза оппоненту, отвечаю я.



Я рассказала все. Почти все.

Я не вдавалась в подробности, не описывала в красках, как я издевалась над телом Даниеля и Аманды, не говорила, что перед глазами предательницы убила ее сестру, умолкла на моменте, когда кормила мясом дочерей Сильвестра и его жену, а на десерт притащила отрубленные головы девушек. Лемми бы точно принудительно затащил меня в психиатрическую больницу или в тюрьму.

Когда я закончила, мужчина смотрел на меня, обдумывал что-то. Он встал с кресла и принес мне стакан воды, видимо, заметил мои слезы на щеках.

— Кто чаще всего появляется в ваших снах? — Он садится обратно передо мной.

— Я не вижу никого, просто чувствую, как меня мучительно пытаются. — Я верчу в руках стакан, смотря на свое кривое отражение в воде.

— Что насчет галлюцинаций? Кто к вам приходит?

— Аманда, — без заминок отвечаю, сжимая пальцами стакан.

— Она что-то говорит или просто молчит?

— Говорит... — Мой взгляд переводится на бежевую стену. — Говорит, что я должна умереть. Что я виновата в смерти отца, что я не заслуживаю жизни... я вообще ничего не заслуживаю... — последнее предложение выходит скомкано и тихо, но его все равно слышно.

— Ваш отец умер на службе. — Я киваю в немом согла-

сии. — Если бы вы были вместе с ним, то смогли бы помочь?

В голове крутится картинка из рассказа Мелиссы. В тот день она была вместе с отцом и чудом выжила. Шанс на жизнь был один к ста, они не подозревали о заложенной бомбе. Отец был ближе ко взрыву. Мелисса пыталась помочь папе, но там было нечему помогать. Отца мы хоронили в закрытом гробу. И, вспоминая про вопрос Лемми, я с точностью скажу: нет. Я бы не смогла помочь, никто бы не смог помочь телу, которое буквально разорвано на куски.

— Нет. — Я ставлю стакан на столик и снова обвиваю себя руками.

Я устала разговаривать. Еще один вопрос я не выдержу.

— Я больше не хочу разговаривать.

— Хорошо. Я пропишу вам новые препараты, их пить нужно строго в обед перед едой, и не мешайте их со старым препаратом. Пейте все строго по расписанию. — Лемми протягивает мне рецепт.

На сегодня сеанс окончен, времени еще достаточно, я успею заехать домой и переодеться.

Когда я выходила из кабинета своего врача, то с кем-то столкнулась.

Я дергаю головой, чтобы посмотреть на причину столкновения, но в миг отшатываюсь, когда вижу светловолосого и высокого молодого человека. В моменте я подумала, что это Крис. Я так отчетливо увидела его черты лица, что хотела закричать от страха и убежать, но вспомнила, что это игра

моего сломанного мозга.

— Извини, — говорит он на русском и неуверенно улыбается мне.

Это не Крис.

Это не Крис.

Это не Крис.

— Все нормально, — тараторю я, а потом ноги уносят меня к лестнице.

Руки трясутся, в ушах звон. Паника. Мне нужен свежий воздух, срочно.

Я пулей выхожу из здания, сгибаясь в спине, опираясь руками на колени и тяжело дыша.

Просто показалось. Это всего лишь очередная мимолетная галлюцинация, которая будет разрастаться, как злокачественная опухоль.

С каждым днем мои галлюцинации все больше поглощают меня. Мне ничего не помогает. Проще ничего не делать со своим состоянием и ждать, пока мое тело не начнет разлагаться.

Телефон вибрирует в кармане куртки. Я достаю его и смотрю на экран. Алекса.

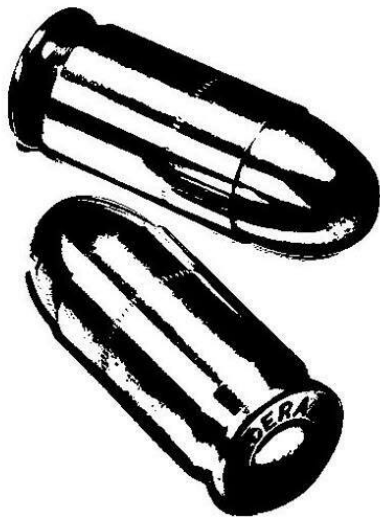
— Слушаю, — выпрямляюсь я в спине и направляюсь в сторону «Мустанга».

— Ты же помнишь, что сегодня мы едем на точку?

— Да.

— Тогда почему тебя нет на месте?

Я отрываю телефон от уха и смотрю на время: «8 часов 30 минут». Я опоздала на тридцать чертовых минут.
— Через десять минут буду.



Подъезжая к стриптиз-клубу, где сейчас находится Алекса и ее мать, я закидываю в рот успокоительное и запиваю таблетку водой. Достая из бардачка пистолет и проверяю магазин, на всякий случай.

Клуб закрыт в это время, но так как я являюсь правой рукой и телохранителем Алексы Брук, меня сразу же пропус-

кают.

В помещении настолько тихо, лишь приглушенный джаз разбавляет обстановку разврата в этом месте. Мимо меня пробегает девушка на высоких шпильках, а еще она в одних стрингах. Мерзость. Что она вообще тут делает в это время?

— Ласточка, куда же ты убежала? — Пьяный голос мужчины заставляет меня обернуться.

За два года русский язык стал для меня родным, и я прекрасно понимаю его.

Этот ублюдок замечает меня, его лицо искажает гадкая ухмылка и он начинает приближаться ко мне.

— Ты новенькая здесь? Не обслужишь своего первого клиента?

Нельзя бить клиентов точки.

Нельзя.

Я сжимаю в кармане куртки пистолет, стараясь не снять тот с предохранителя.

— Ты что, глупенькая или со слухом проблемы? — он прикасается к моему плечу, и мне снова стирает все границы в голове.

Вытащив пистолет из кармана и схватив мужчину за ворот рубашки, я притягиваю его к себе, подставляя дуло ко лбу.

— Могу переломать тебе пару ребер, чтобы ты смог сам себя обслужить, — рявкаю я на ломанном русском.

Родной язык своей матери я понимаю, но говорю на нем плохо.

— Кимберли!

К нам подбегает Алекса, разнимая нас.

— Прости, но она неприкасаемая, — улыбается она этой ошибке человечества.

— Александра? Прошу прощения, я не знал, — он начинает нервничать, но алкоголь в его крови делает это неуклюже и глупо.

— На первый раз прощаю, но в следующий я не буду мешать ей превращать твое лицо в кровавую кашу.

Девушка уводит меня.

— Убери пистолет, девочек напугаешь, — бубнит она.

Я фыркаю ей в ответ, но пистолет убираю.

Мы садимся за стол напротив Светланы. Я вижу ее второй раз в жизни, но хотела убить еще при первой нашей встрече. Алекса не похожа на эту суку, сидящую передо мной. Она настолько высокомерна и лицемерна, что мне хочется переломать ей все кости.

— Так, что мы там обсуждали? — Алекса смотрит на свою мать, которая с прищуром разглядывает на меня.

— Про проценты.

Ее писклявый голос меня тоже раздражает.

— Точно! Итак, ты отдаешь мне сорок процентов с прибыли точки, а еще докладываешь обо всех клиентах.

— Это конфиденциальная информация. Я не могу рассказывать о своих клиентах, — дергает она подбородком, стараясь показать свою ничтожную значимость.

— Кимберли, думаю, ты лучше донесешь информацию до моей матери.

Я встаю из-за стола, заходя за спину Светланы. Достая пистолет и упираю дуло ей в затылок.

— Объясню по-другому, — начинаю я, — Мне не составит труда вынести тебе мозги на стол, но нужно ли тебе это? Либо ты сотрудничаешь с нами, либо прощайся с жизнью, которую ты так любишь. — Я толкаю дуло в ее голову. — Считаю до трех. Один...

Светлана все еще молчит, она боится что-то сказать, но я не умею терпеть и ждать.

— Три, — я снимаю пистолет с предохранителя.

— Хорошо, я согласна! — взвизгивает она.

— Вот и славненько. Жду от тебя часть на свой лицевой счет до завтра.

— Саша, почему я должна платить такой огромный процент? — недоумевает она и расправляет плечи, как только я убираю пистолет, но все еще стою за ее спиной. — Мы же семья.

— Семья? Нет, мамуль, прокручивай у себя в голове, что ты бросила меня тридцать лет назад, и не забывай об этом.

— Мы обсуждали эту тему миллион раз, — начинает она злиться.

— И я готова миллион раз отказывать тебе. Ничего личного, но это бизнес. — Алекса встает с места, стягивая со спинки стула свое пальто. — Информацию о клиентах при-

шлешь на этой неделе мне на почту. Удачной работы.

Когда мы выходим из клуба, то обе закуриваем по сигарете.

— В прошлом месяце отсюда выкрали еще одну девочку,
— выдыхает девушка дым.

— Как ее звали?

— У нее не было имени, но все называли ее Розы. Никакой информации о родителях и ее прошлой жизни. Скорее всего, девушки уже нет в живых.

Я хмурюсь, втягивая в легкие отравляющий дым.

Мы не можем спасти всех. Не можем заранее продумать план, потому что эти сволочи за каждый раз меняют свою тактику. Были случаи, когда девочки сбегали и сами приходили к нам с надеждой на то, что мы им поможем, и мы им помогали.

Некоторых мы отлавливали самостоятельно, используя девушек, как приманку. Один раз такой приманкой послужила и я.

В тот момент мой разум отключился, когда мне заломили руки и придавили всем весом лицом в пол. Я ничего не могла сделать, тело парализовало от страха, в голову стали лезть воспоминания, когда люди Сильвестра пытались сначала меня изнасиловать, а потом убить. Алекса поняла, что дело идет впрок, и пришла на помощь. Снова меня вытащили, а я ничего не могла сделать.

После того случая я вымачивала свое тело в кипятке три

часа, специально вызывала рвоту и не спала на протяжении недели, чтобы галлюцинации свели меня с ума, но ничего не вышло. Меня нашла Алекса в состоянии живого трупа, а после записала к психотерапевту. Я долго сопротивлялась, но меня насильно затолкали в кабинет Лемми.

Но есть и свои плюсы, когда я пришла к тому, кто пытался вколоть мне снотворное в шею, я раскромсала его так, что родная мать бы не узнала этот кусок человеческой плоти. После эксперимента с Сильвестром я начала записывать все свои пытки на камеру, собирая своего рода коллекцию.

— Кстати, как твое состояние? — интересуется девушка, выбрасывая окурок в урну.

— Как обычно, стабильное. Как там мама с Полли?

— Алиса прекрасно себя чувствует, а твоя сестренка уже сказала свое первое слово! — искренне радуется Алекса.

— И какое же?

Мне так противно не чувствовать радость за свою семью. Я хочу приехать к маме, понынчиться с Полли, но я не могу. Я боюсь к ним приезжать.

— Она сказала «мама»! Я молилась, чтобы она не сказала «папа», — хихикает она.

Алекса не доверяет Владимиру, отцу Полли.

Мама встретила его через три месяца после похорон отца. Я возненавидела ее за это, потому что она забыла про папу, пока я убиваю себя, каждую ночь прослушивая запись на диктофоне, которую я записывала для него. Мне не хватает

его. Мне всех не хватает. Я скучаю, страдаю, но я не могу подвергать их опасности.

Я и так отняла у матери все, что она любила: дом, мужа, семью и счастливое будущее.

Я поставила между нами невидимую стену. Алекса говорит, что мама скучает по мне, плачет, когда вспоминает, рассказывает Полли, что у нее есть старшая сестра. Полли никогда меня не увидит, я запрещаю самой себе видеться с ней. Сестру я видела только на фотографиях, которые мне показывала Алекса.

Владимира я видела раз в жизни, но после того, как он спросил меня про шрам на щеке, я захотела оставить ему такой же.

— Алиса все еще ждет тебя.

— Ты же знаешь, что я не могу, — поднимаю я голову на девушку.

— Знаю, но она скучает по тебе.

— Алекса, я не поеду к ним, — отчеканиваю я.

Она вздыхает, а потом обнимает меня за плечи, но я не отвечаю на объятия. Просто стою, принимая это за должное.

— Просто хочу, чтобы ты знала, что они все еще ждут тебя.

Но я не хочу об этом знать.

«...Этот вечер я запомню навсегда, ведь я решил домой не ехать тогда

Я не хочу туда возвращаться опять

Там моя прошлая жизнь не дает мне дышать»
Автоспорт — Пожалуйста, только не домой

Глава 2. Камера пыток

Меня разбудили звонки Алексы.

Я разлепляю глаза, голова сразу начинает гудеть от раздражительного источника звука. Время на экране показывает пять часов утра. Какого хрена Алекса названивает мне в такое время?

— Ты хоть знаешь, который час? — бубню я сонным голосом, когда принимаю звонок.

Но в ответ тишина.

— Алекса?

Она сбрасывает, а я перепроверяю недавние звонки, чтобы удостовериться, что мне звонила точно Алекса. Это именно она, я вижу собственными глазами ее номер, у меня не может быть галлюцинаций, я пила перед сном таблетки.

Я захожу в наш общий чат.

КИМБЕРЛИ: Зачем ты мне звонила?

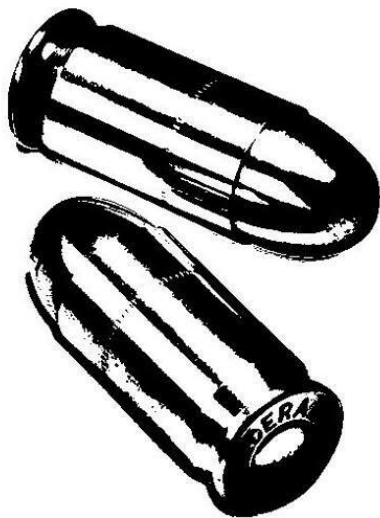
Она ответила только через две минуты, а зная Алексу, она всегда отвечает сразу. Что-то не так.

АЛЕКСА: Приезжай ко мне домой, срочно.

Встав с кровати, я переодеваюсь, спускаюсь в коридор и начинаю обуваться, попутно снимая с крючка куртку и забирая ключи с полки.

Дом Алексы в часе езды от меня, если с ней что-то произошло, то даже при всем своем желании я точно не успею

вовремя.



— Алекса! — забегаю я в огромный особняк девушки.

В доме слишком тихо, даже охраны нет. Дверь была открыта, меня никто не встретил, и Кэш не отвечает на звонки.

— Алекса, мать твою, ответь мне!

Я обхожу весь первый этаж в потемках, когда зашла в обеденный зал, то попыталась включить свет, но когда нащупала выключатель, я поняла, что электричества в доме нет. И нет, лампочка не просто перегорела, потому что я проверила

свет на всем этаже, и его не было.

Достав телефон из кармана и снова набрав номер девушки, я на протяжении нескольких секунд слышала лишь гудки, а потом раздражающее: «Абонент временно недоступен, пожалуйста, перезвоните позже».

Зачем нужно было звать меня к себе домой, если хозяина в нем нет?

— Кимберли, я на втором этаже, быстрее поднимайся!

Голос Алексы прозвучал как гром среди ясного неба, которого я испугалась. Пистолет я с собой не взяла, он остался в машине. Я подумала, что ничего критичного у Алексы точно бы не случилось, ведь она всегда держит ситуацию под контролем, но сейчас все мои надежды медленно разрушаются, и их поглощает мой внутренний страх.

Как только я поднимаюсь на второй этаж, замечаю, что в кабинете девушки горит свет. Слишком это подозрительно, ведь на втором этаже в коридоре электричества тоже нет.

Я сглатываю, делая первый шаг навстречу к неизвестному и явно опасному.

— Алекса, если ты решила пошутить надо мной, то у тебя это отлично получилось. — Каждый шаг приближает меня к смерти.

А что, если Алексу держат в заложниках и она не может говорить? Вдруг ей приказали позвать меня?

Когда до ее кабинета остались несчастные пару шагов, свет там выключается, а я замираю на месте, пытаюсь при-

слушаться к каким-либо звукам.

— Алекса, это уже не смешно.

— Кимберли, зайди сюда, — просит подозрительно спокойным голосом та.

— Зачем? Что вообще происходит?

— Зайди в кабинет.

Она никогда так не говорила со мной. Голос слишком строгий или напуганный, я не могу понять.

Я делаю еще шаг и оказываюсь в темном кабинете. Тьма комнаты поглощает меня, я не могу разглядеть собственные руки, поэтому стою на месте, слушая биение своего сердца.

— Алекса, включи свет.

— Я не могу.

— Черт, прекрати. Просто включи свет!

— Я не могу, Кимберли.

— Почему ты не можешь? Объясни мне...

Меня прерывает удар в живот чем-то острым. Холодный металл проникает в мою плоть с сокрушительной силой и скоростью, будто в меня пытаются не вколоть лезвие, а запихнуть его в мои внутренние органы.

Второй удар. Из меня вырывается хриплый стон. Третий удар. Я хватаюсь за предплечье неизвестного, пытаюсь его оттолкнуть, но в мой нос резко ударяет опьяняющий запах ментоловых сигарет.

Из меня вытаскивают нож, я зажимаю рану, тяжело дышу и пытаюсь справиться с болью, которая расползается по мо-

ему телу, как плющ по ветхому зданию. Мое зрение привыкло к темноте, но лицо оппонента находится в тени, словно он его специально скрывает под тканью капюшона или же под плотным занавесом моего животного страха.

Я пытаюсь выхватить у него нож, ударить, но у меня не получается. Этот человек хватает меня за затылок, рывком притягивает к себе, и я могу чувствовать взгляд презрения с его стороны. Он не смотрит в самую душу, — он разрывает ее своим взглядом, топчет, перемалывая в труху, чтобы от меня ничего не осталось.

— Умри.

Басистый голос, из-за которого мне перекрывает дыхательные пути, сердце замирает, а мозг дезориентируется. Этот голос принадлежит Крису, и я не могу ошибаться. Это Крис. Он три раза ударил меня ножом, а сейчас я чувствую, как меня толкают, и я лечу вниз так долго, что это сопоставимо с полетом на парашюте.

Я просыпаюсь с криком ужаса, лежа на полу. Оглядываюсь по сторонам и понимаю, что я упала с кровати во сне, ударившись плечом об паркет.

Чуть успокоившись и зачесав волосы назад, я вспоминаю про удар в живот. Поднимаю футболку, рассматривая и щупая свое тело на наличие колотых ран, но, кроме давно зажившего шрама, ничего нет.

Ничего нет. Это просто сон. Очередной кошмар. Но почему Крис меня убил? Он так холоднокровно нанес мне уда-

ры ножом, будто ни сколько не сомневался и был настроен решительно. Если вспоминать слова Алексы, то Крис мертв. Могу ли я быть причиной его смерти?

Только сейчас до меня доносятся звуки ключей, которые открывают мою дверь. Я встаю с пола и несусь из спальни в прихожую, хватая по пути пистолет.

Я никому не давала дубликат ключей, мне банально некому его отдавать. Кто-то пытается пробраться в мою квартиру.

Я снимаю пистолет с предохранителя и направляю дуло на дверь, ожидая незваного гостя. Но как только преграда между мной и оппонентом открывается, и я вижу перед собой запыхавшуюся Алексу, сзади которой стоит Кэш со своим вечно каменным лицом, я опускаю пушку.

— Алекса?

— Кимберли, ты совсем с ума сошла?!

Она быстро разувается и подбегает ко мне, вырывая из рук пистолет.

— Это для самообороны, — смотрю я себе под ноги.

— Я не про это! Почему ты не отвечала мне на звонки и сообщения? Я тебе с шести утра звоню!

Я поднимаю на нее глаза, смотря из-под ресниц недоумевающим взглядом.

— Сколько сейчас времени? — Тупой вопрос от тупой меня.

— Четыре часа дня!

Девушка заправляет волосы назад, упирая руку, держа-

щую пистолет, в бок.

Уже день? Я проспала полдня?

— В какой заднице у тебя телефон? Почему ты не приехала в резиденцию, не пришла к Лемми и почему ты вообще в пижаме?

— Я только проснулась, прости, я не слышала, что ты мне звонишь, — каюсь я в содеянном, сомкнув пальцы в замок за спиной.

— Во сколько ты ложишься, если спишь целыми днями?

Я хочу прорубить дыру в полу и прыгнуть в нее. Хочу стать настолько маленькой и незаметной для людей, как блоха, чтобы меня не трогали и не донимали.

— Я сама не заметила как уснула и во сколько.

— Алекса, подойди сюда, — зовет ее Кэш, который находится на кухне.

Алекса убирает мой пистолет в ящик и проходит на кухню, а я остаюсь в коридоре, запирая входную дверь. Эти двое даже не умудрились ее закрыть. Кстати, откуда у Алексы ключи от моей квартиры?

— Ким, ты мне нужна, — спокойный и устрашающий тон девушки приводит меня в ужас, отбрасывая в сон.

Именно таким голосом она звала меня в свой кабинет, именно этим голосом она говорила мне, что не может включить свет.

Я прирастаю к полу, сжимая металлическую ручку двери, которую не успела отпустить. Не могу сдвинуться с места,

страх парализовал все тело.

— Кимберли, — зовет меня уже парень.

Чувствую себя ребенком, которого сейчас будут отчитывать родители за плохое поведение в школе. И что с того, что они старше меня?

— Ким, ты слышишь меня?

— Иду.

Я набираю в легкие воздух, закрываю глаза и представляю, что все в мире исчезает. Так мне легче справиться с тревогой, пожирающей мое нутро. Намного лучше.

Заходя на кухню, я вижу, что Алекса держит в руках пачку препаратов, которые выписал мне Лемми.

— Ты не пьешь таблетки? — хмурится та, пока Кэш стоит у открытого окна, молча выкуривая сигарету и не вступая в наш разговор.

— С чего такие мысли? Я пью их.

— Когда я приезжала на прошлой неделе, пластина была целой. Ким, неделя прошла, а она все ещё целая, — девушка показательно вертит алюминиевой пластинкой передо мной.

Целая? Почему она целая? Я точно помню, что выпила вчера таблетки.

— Это прозвучит нелепо, но я пила перед сном таблетки.

— Детские оправдания, Ким, — все же встревает Кэш.

Я перевожу на него свой взгляд удивления, а следом хмурюсь от его умозаключения.

— Я пила вчера таблетки! Я помню, я точно помню!

— Кимберли, ты не пила их, — продолжает Алекса. — Если бы ты выпила, то пачка не была бы целой, верно?

— Какого черта ты мне не веришь? Почему вы вообще отчитываете меня? Мне двадцать два через два дня, но вы ведете себя так, словно я шестнадцатилетний подросток с кризисом самовыражения!

— Я не отчитываю тебя, — вздыхает Алекса, сокращая дистанцию между нами. — Мы переживаем за тебя, Ким, ты же сама это прекрасно знаешь, — опускает она руки на мои плечи.

— Повторяю в последний раз, я пила эти гребаные таблетки.

— Это могла быть галлюцинация.

Я хочу вырваться и убежать в спальню, запереть дверь и сидеть там целыми днями без еды, воды и средств новостных передатчиков, чтобы меня никто не трогал.

— Откуда у тебя ключи от квартиры? — перевожу я тему. Алекса сразу же виновата отводит взгляд.

— Она сделала дубликат еще до твоего заезда сюда, — отвечает парень.

— Кэш!

— Она должна знать правду. В любом случае, Кимберли права, мы ей не родители. Пусть делает так, как хочет.

Кэш выбрасывает окурок через окно и выходит с кухни.

— Жду тебя в машине.

— Отдай ключи, — протягиваю я ей ладонь.

— Что? Нет, я не отдам их.

— Ты нарушаешь мое личное пространство.

— Я всего лишь переживаю и забочусь о тебе.

— Алекса, ты и так много для меня сделала. Я правда тебе благодарна и обязана до самой смерти, но с ключами ты можешь попасть в квартиру в любой момент, а я так не хочу.

— Кимберли, послушай...

— Нет, — перебиваю я. — Я и так шарахаюсь от любой тени, боюсь каждого шороха. А что, если у меня снова начнется приступ, и в панике я выстрелю в тебя? Что будет, если у меня снова начнутся галлюцинации, и вместо тебя я увижу Аманду?

Она молчит, переваривая всю сказанную мною информацию.

— Алекса, я могу застрелить тебя, потому что увижу Аманду.

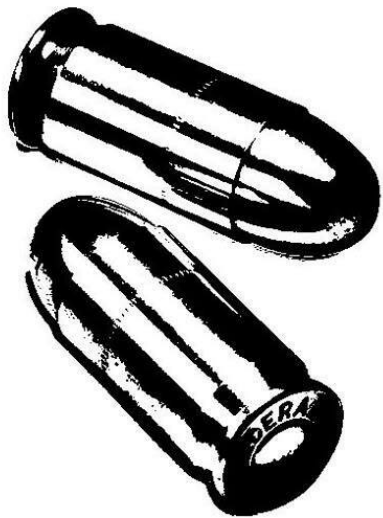
— Для этого тебе прописали препараты.

Нет смысла ее переубеждать. Она все равно не отдаст ключи, но я правда боюсь, что в какой-то момент мой мозг сломается окончательно.

Алекса убирает руки с моих плеч, достает из кармана ключи и протягивает их мне.

— При условии, что будешь писать мне о своем состоянии каждый час. — Ставит она ультиматум.

— Договорились.



Меня уже тошнит от стриптиз-клубов. От всех этих пьяных лиц напыщенных мужчин, которым я хочу проломить череп чем-нибудь тяжелым. Как же меня раздражают все эти обстановки на точках.

У нас случаются внеплановые рейды, чтобы держать подчиненных под контролем, а в случае неприятных ситуаций, узнавать о них сразу. Так и произошло в клубе матери Алексы.

— Почему тебя вообще не было на собственном рабочем

месте? — Алекса потирает переносицу от раздражения. — Тем более ты сама знаешь о ситуации в клубе, но решила провести сегодняшний день в спа.

— У меня был выходной. Я что, не могу отдыхать? — пытаются оправдаться Светлана.

Пока мать с дочерью решают свои рабочие дела, я стою поодаль от них, не вступая в их бизнес. Я не имею к этому никакого отношения, моя задача — ловить ублюдков и убивать их.

— Простите, — приближаются ко мне две девушки, которые здесь работают. — Вы же работаете с Александрой?

Я выглядываю из-под капюшона, затягиваясь сигаретой.

— Допустим. Чего хотели?

— Мама Света не расскажет вам, но у нас забрали трех девочек сегодня, — еле слышно говорит одна из девушек, ковыряя кожу на пальцах.

Вторая же просто стоит и молчит, переминаясь с ноги на ногу и наблюдает за двумя женщинами, которые все еще ссорятся друг с другом.

— Почему она не должна рассказывать нам про это? — шурю я глаза, выдыхая дым в сторону.

— Маме Свете передали два чемодана с деньгами, я сама видела, я даже могу показать, где они находятся.

— Рассказывай, что случилось.

Девочки называют Светлану «Мама Света», но никакая она им не мама, если продает девушек за нашими спинами.

— Как тебя зовут? — интересуюсь я.

— Сьюзи.

— Назови мне свое настоящее имя.

Девушка мнется с ответом, переводя взгляд на свою подругу, а потом на хозяйку заведения.

— Лиза, — шепчет она, наклоня ко мне голову ближе.

— Все, что ты мне рассказала, это действительно так? — Я тушу сигарету в пепельнице, которые расставлены здесь на каждом столике.

Лиза кивает мне в ответ, а ее подруга подтверждает слова.

— Одна из трех девочек моя сестра, — начинает другая девушка, сдерживая слезы, — Ее зовут Кристина, — ее голос начинает подрагивать, а слезы уже стекают по щекам. — Ей двадцати еще нет и, зная из рассказов Мамы Светы, их там ждет не счастливое будущее на Мальдивах. Пожалуйста, — умоляет она, хватая меня за руку. — Найдите мою сестру, умоляю. Я не хочу, чтобы она страдала, она не заслужила такого, мы не хотели сюда приходить, но обстоятельства в семье не дали нам выбора. Мы уйдем отсюда, только помогите найти сестру, прошу вас.

Смотря на эту девушку, которая чуть ли не в ноги мне падает, я вспоминаю себя. Вспоминаю, как я страдала, как искала маму и как разрушала себя, что происходит и по сей день. Я искала маму, а она не может самостоятельно найти свою сестру, оно и понятно.

Я притягиваю девушку к себе и крепко обнимаю.

— Не плачь, мы найдем всех троих, — успокаиваю я ее.

— Спасибо, спасибо вам большое. В прошлом месяце отсюда вывели еще одну девочку, ее звали Роза, — всхлипывает она.

Снова эта Роза. Кто она такая и почему все о ней говорят?

— У нее есть настоящее имя?

— Никто не знает. Какой-то итальянец ее заприметил, как только она тут появилась. Роза была очень тихой и ни с кем не разговаривала, но мы знаем, что Мама Света издевалась над ней. Она могла ее избить, если на Роза жаловались клиенты, морила голодом и заставляла худеть.

— Мы все тут ходим по лезвию ножа, — подхватывает наш разговор Лиза. — Если мы не понравимся клиентам, то нас могут сильно избить или же что-нибудь сломать. Одну из девочек Мама Света приказала пустить по кругу, потому что она укусила клиента, а нас заставляла смотреть на весь этот ужас.

Мою агрессию сейчас не передать словами. Маму накачивали наркотиками и насиловали на протяжении нескольких месяцев, она все еще ходит к психологу, а Алекса мне говорила, что без Владимира она не выходит на улицу.

Я резко отпускаю девушку и несусь быстрым шагом на Светлану, сжимая кулаки от ненависти и злобы, которая сейчас разорвет меня. Я бы могла ее ударить стулом, разбить бутылку об голову, но из-за того, что она какая-никакая мать Алексы, я не смогу ее убить.

Приблизившись к Светлане, та бросает на меня колкий взгляд, но сейчас меня это не волнует, потому что я сильно даю ей пощечину, отчего женщина падает на пол, держась руками за лицо.

— Ким! — дергает меня за плечо Алекса.

— Ты...

Я вырываюсь из хватки девушки, присаживаюсь на корточки и хватаю Светлану за волосы.

— Ты, старая сука, избивала девочек, морила их голодом, а одну из них пустила по кругу, заставляя остальных смотреть на это. Да что ты за дрянь такая? Ты хоть знаешь, что я делаю с такими, как ты? Я, блядь, расчленю тебя, а части тела раскидаю по разным местам России, чтобы тебя ни одна собака, ни один поисковый отряд не нашел! Я привяжу тебя к собственной машине и вдавлю педаль газа, чтобы твое тело волочилось за тачкой от начала и до конца Москвы!

Женщина смотрит в пол расширенными глазами от ужаса, почти не дышит и боится взглянуть мне в глаза.

— Знаешь, скольких я убила, пока искала своего человека? Я, мать твою, расхерачу твою тупую башку об этот пол прямо сейчас!

— Нет, остановись, не делай этого! — верещит она, пытается вырваться, но я сжимаю ее волосы лишь сильнее.

— Кимберли, отпусти ее, сейчас же! — кричит уже Алекса, хватая меня за руку и впиваясь в нее ногтями.

Я отталкиваю от себя Светлану, вставая на ноги. Огляды-

ваю напуганных девочек, которые перешептываются между собой, а некоторые осуждающе на меня смотрят.

Снова сорвалась.

«В один прекрасный момент тебе снесет башню, и ты точно убьешь не того».

Голос Аманды крутится в голове как свой собственный.

Я заглушаю его, сжимая в кармане куртки ключи от квартиры так сильно, чтобы металл продырявил мне кожу.

Заткнись.

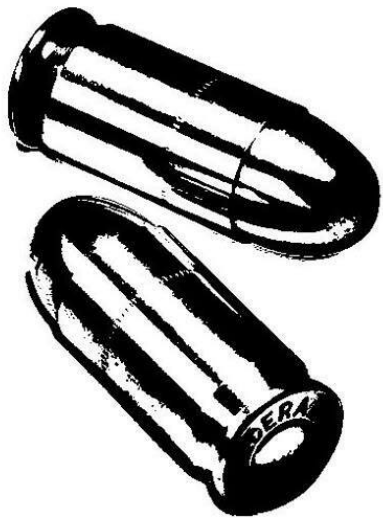
Вылези из моей головы, чертова сука.

Ты мертва.

Не знаю, сколько я простояла в оцепенении, но Алекса уже вывела меня из клуба и усадила в свою машину.

— Прости, — подаю я голос, вжимаясь в кресло. — Просто я вспомнила про маму и все само так навалилось, что я не соображала. Еще и девочек напугала.

— Мне сейчас не до этого, — заводит она мотор. — Мои люди перехватили тех, кто украл девушек. Они сейчас в резиденции.



Как только мы заходим в здание резиденции, Алекса поднимается на второй этаж, а я направляюсь в зал переговоров. Там я встречаюсь с тремя девочками, и как только они меня видят, то вскакивают со своих мест. Две девушки прячутся за одну, которая выше них, а та их прикрывает.

Но как только я сняла с себя капюшон, то трое сразу подбежали ко мне, начиная душить в объятиях благодарности и плакать.

— Вы в безопасности, все нормально, — пытаюсь я их

успокоить.

— Мы снова попадем к ней, — всхлипывает длинноногая девушка намекая на Светлану.

— Нет, — твердо отвечаю я. — Я поговорю с Александрой, она о вас позаботится.

— А моя сестра? — Самая низкая девушка с карими глазами отрывается от меня и отходит на пару шагов. — Там осталась моя старшая сестра, я не могу ее бросить, — нервно заправляет она прядь своих каштановых волос за ухо.

— Ты Кристина?

Девушка поднимает на меня ошарашенный вид и медленно кивает.

В клубе существует правило: никто и никогда не узнает о твоём прошлом, не потревожит твою семью и друзей, но взамен ты должна кардинально изменить свою личность и внешность. Большинство девушек могут лечь под хирургический нож, чтобы получить деньги и погасить все свои долги или спасти родителей от алкогольной или наркотической зависимости, а может, и все вместе. Они меняют все документы подтверждающие их личность, заводят новые банковские карты и ходят под новыми именами. Поэтому я понимаю, почему она так шокирована.

— Не переживай, ее мы тоже вытащим. С вами что-нибудь делали? Обижали, били, издевались?

— Нет, — отвечает высокая. — Трое мужчин силой вывели нас из клуба через черный ход и посадили в машину, они

не успели ничего нам сделать. Потом нам перекрыли дорогу два внедорожника, нас вытащили из машины и посадили в один из них, что стало с теми тремя, мы не знаем.

Наш разговор прерывает Алекса, которая залетает в зал переговоров.

— Вот ты где. Пошли, твоя очередь.

Я отпускаю девочек, направляюсь к выходу, но меня останавливает голос Кристины:

— Почему вы нас спасаете?

Я оборачиваюсь на Алексу.

— Потому что мы...

— Потому что с моей матерью было тоже самое, — перебиваю я Алексу. — Ее тоже похищали и делали ужасные вещи, которые могли произойти с вами. Еще вопросы?

От меня это прозвучало очень грубо, и Кристина замолкает, мотая головой. Я не хотела ее как-то напугать, но она начала ковырять мою незажившую рану.

После ответа я молча выхожу и направляюсь в подвал. Там находится моя камера пыток и персональный ад для моих подопытных крыс.

Я захожу в темную комнату, закрываю за собой дверь и включаю свет. В подвальном помещении всегда горит теплый свет, я ненавижу холодный, а для испытующих он кажется успокаивающим, и они не подозревают о моих последующих действиях.

На стуле сидит связанный мужчина, который хрипло ды-

шит. Все его лицо в крови, его уже успели изувечить до меня, а с еле живыми мне не интересно. В голову не поступает тот адреналин, который я получаю от живых. Тогда я его просто убью.

Он поднимает голову, смотря на меня и улыбаясь своим окровавленным ртом. Улыбается? Почему он улыбается?

— Ты в курсе, что я тебя сейчас убью, или решил посмеяться в лицо смерти напоследок?

— Как поживает ваша мама, Карма?

От его вопроса мое тело снова парализует, а глаза расширяются. Я забываю как дышать.

Кто он? Почему спрашивает про маму и откуда он знает мой прошлый псевдоним?

Эта мразь продолжает улыбаться, прожигая меня своим взглядом.

— Она оправилась после двухмесячных пыток? Видел ее младшую дочь, прекрасная девочка растет.

Уши закладывает, сердце сейчас вырвется из груди от бурлящей агрессии внутри меня.

Я хватаю со стола нож и вонзаю лезвие в его ногу. Оно полностью погружается в плоти, оставляя лишь торчащую рукоять. Мужчина начинает кричать от боли и дергаться.

— Повтори, что ты сказал, — требую я, хватая того за затылок.

— Что повторить? Мать твою, я ничего не говорил, поехавшая сука!

Я слышала это собственными ушами. Он говорил про маму и сестру. Он надсмехался.

Я вытаскиваю нож из его ноги и наношу огромное количество ударов ему в горло, не желая расспрашивать его и пытать. Я просто убиваю его.

Из-за того, что я задела его сонную артерию, кровь брызжет фонтаном, окропляя мою руку и попадая на лицо. Я втыкаю в него нож до тех пор, пока рука не начинает затекать и ныть, но я все еще наношу безжалостные удары и плачу.

Нож выскальзывает из руки и падает на пол. Тяжело дыша, я отохожу от трупа и взгляд переводится на руку, которая вся в крови. Я смотрю на себя в зеркало, висящее над небольшой раковиной, но сзади себя я вижу силуэт напоминающий Аманду. Оборачиваюсь, но за спиной никого нет.

Меня начинает трясти и тошнить от запаха металла, от вида крови, от галлюцинаций, которые отравляют мою жизнь. Я подбегаю к раковине и меня начинает рвать. В голове снова голос Аманды, он смешивается с другими голосами и мне становится только хуже.

Заткнись. Заткнись. Заткнись.

Я поднимаю голову на зеркало, но в отражении снова вижу за собой Аманду. Рука сама сжимается в кулак и бьет по стеклу, отчего то разбивается, а пару осколков впиваются в руку.

Пока мое тело лихорадочно трясет, я включаю воду, начиная мыть руки и лицо, не обращая внимания на осколки в

своей коже. Я вдавливаю их в себя лишь сильнее, пока пытаюсь отмыться от красной жидкости, от грязи, которая прилипла ко всему моему телу за многие годы. Слезы так и текут по щекам, размывая мне картинку, но так даже лучше. Я не хочу ничего видеть.

«Возьми осколок в руку. Возьми его».

Я кричу, чтобы заглушить голос в голове, жмурю глаза, чтобы не видеть. Но в этот момент меня кто-то дергает за плечо, разворачивает к себе и крепко обнимает.

— Кимберли, успокойся. Тише, Ким, это я, успокойся.

Алекса крепко держит меня в объятиях, пока я продолжаю кричать и трястись от страха, как какой-то чертов щенок, которого мучили прошлые хозяева.

— Я видела ее, снова видела! Она стояла прямо за мной!

— Это галлюцинации, Ким, — хватает меня девушка за лицо, смотря в глаза, — Аманда мертва, ее нет. Успокойся.

Она есть. Аманда поселилась и живет у меня в голове, как паразит, который питается моими страхами.

— Давай, пошли отсюда. — Алекса кладет мою руку себе на плечи и выводит из подвала, поднимаясь на первый этаж. — Уберитесь в подвале и принесите мне аптечку! — кричит она своим людям.

Девушка заводит меня в зал переговоров, перед глазами все плывет. Я с трудом могу различить девочек, которые все еще находятся здесь. Они подбегают ко мне и спрашивают о чем-то Алексу.

В зал заходит кто-то еще, а Алекса берет меня за руку и что-то на нее льет, отчего открытые порезы начинает неприятно щипать. Видимо, это антисептик. Алекса достала из руки пару осколков и перебинтовала кисть.

Не могу соображать.

— Уведи девочек в другую комнату, — просит она мужчину, который принес аптечку.

Всех троих вывели, и только тогда Алекса садится напротив меня, беря за перебинтованную руку.

— Все хорошо, дыши ровно.

— Зачем мы это делаем? — резко спрашиваю я осевшим голосом.

— Ты о чем? — склоняет она голову в бок, чтобы посмотреть на мое лицо.

— Зачем мы их спасаем? Проще избавиться от товара и спроса не будет, верно? — Я перевожу свой взгляд на девушку, замечая ее хмурое лицо.

— Мне не нравится то, к чему ты клонишь.

— Спрос рождает предложение.

— Кимберли, это живые люди! Они не товар в магазине!

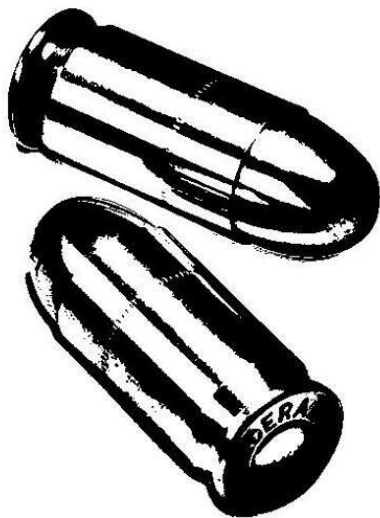
— Можно избавиться от спроса и товара, тогда ничего не будет.

Алекса сжимает мое больное запястье, и я дергаюсь.

— Прекрати об этом говорить, я не собираюсь слушать этот бред.

Он встает на ноги и выходит из зала, хлопая дверью,

оставляя меня одну. Снова.



Я целый день просидела в зале переговоров, Алекса больше не заходила ко мне. Ко мне никто не заходил. Когда на часах показывало семь вечера, то я молча покинула резиденцию, вызвала такси и уехала в бар. Нужно опустошить голову алкоголем.

В Москве бары делятся на две категории: тихие и шумные. Все шумные бары принадлежат Алексе, я ненавижу шум и ненавижу находиться на рабочем месте, поэтому я поехала в

тихий бар. Он находится под влиянием другой сети, но она настолько мала и ничтожна, что Алекса даже за сеть ее не воспринимает. Мелкая сошка — так она их называет.

Я выбрала довольно изысканный бар «Septa». Меня не волнует их итальянская, французская и европейская кухня, меня волнует их алкоголь.

— Добрый вечер, — приветствует меня девушка за барной стойкой.

— Виски с колой два к одному, любой на ваш вкус, — сажусь я на барный стул.

Девушка достает из-под стойки рокс, закидывает в него два кубика льда и наливает виски с колой, а потом протягивает напиток мне.

— Еще что-нибудь? — интересуется она, мило улыбаясь.
Да, свали с моих глаз.

— Нет, спасибо. — Я достаю свою карту, чтобы оплатить, но к терминалу приближается мужская рука, держащая золотую карту.

Я поворачиваю голову в сторону мужчины, выгибая брови в смятении.

— Я заплачу за нее, — улыбается тот, прикладывая карту к терминалу.

У меня нет ни малейшего желания с кем-либо общаться. Я просто хочу расслабиться.

— Что такая прекрасная девушка забыла в этом тихом заведении?

Он явно старше меня на пару лет. Зачем вообще решил завести со мной разговор?

— Расслабляюсь после тяжелого рабочего дня, — без капли энтузиазма отвечаю я, делая первый глоток алкоголя.

— Понимаю, — посмеивается он. — Могу узнать ваше имя?

— Не можете.

На удивление, он отстал от меня.

Пока я сидела в баре, то на телефон постоянно приходили сообщения от Алексы.

АЛЕКСА:Могла хотя бы предупредить, что уходишь.

Отправлено в 19:45

АЛЕКСА: Надеюсь, у тебя все хорошо?

Отправлено в 20:00

АЛЕКСА:Просила же отписываться мне о своем состоянии.

Отправлено в 20:15

АЛЕКСА:Я понимаю, что у тебя не лучший период в жизни, но это не говорит о том, что ты можешь наплевательски относиться ко мне.

Отправлено в 20:55

КЭШ:Лучше бы тебе ответить ей, а то она мне весь мозг вытрахала.

Отправлено в 21:30

Я тяжело вздыхаю, выключив телефон. Не хочу никому отвечать. Я не просила переживать из-за моего состояния,

не просила помогать мне. Я ничего не просила.

Под ночь в баре становится душно и шумно. Даже сюда пробрались. Пора уходить.

Встав со стула, я понимаю, что выпила много, ведь просила повторить заказ раза три. Голова немного кружится, а тело ватное. Я пытаюсь протиснуться сквозь скопившуюся толпу людей и врезаюсь в чью-то широкую спину. На меня оборачивается парень, и мне приходится поднять голову из-за разницы в росте.

— Не видишь, куда идешь? — наезжает он на меня, будто я специально в него врезалась.

— А ты стена, раз подвинуться не можешь?

Если бы не алкоголь, то я бы молча ушла, но сейчас я могу выплеснуть весь тот груз сегодняшнего дня на кого-то.

— Ты ничего не попутала? Ты хотя бы знаешь с кем разговариваешь?

— Дай-ка подумаю, — тру я подбородок пальцем, наигранно задумываясь. — С идиотом? — предполагаю я.

— Что ты сказала? — удивляется он.

— Ты еще и тупой, — щелкаю я пальцами.

— Сучка, совсем страх потеряла?

Он пытается схватить меня за плечо, но я уворачиваюсь, хватая того за руку и надавливая пальцами на сухожилия.

— Я тебе руку сломаю, если тронешь меня.

Нельзя бить людей.

Нельзя.

Я отпускаю его руку и выхожу из бара так быстро, насколько мне позволяют собственные ноги. Прислоняюсь спиной к холодной кирпичной стене и достаю из кармана пачку сигарет «Чапман».

Это единственный успокоительный препарат без побочных эффектов, почти.

Чиркаю колесиком зажигалки, но кроме искр, я ничего не получаю. Я чиркаю снова и снова, но меня даже зажигалка посылает на хрен.

— Сука! — ругаюсь я, с зажатой между губ сигаретой.

Я скатываюсь вниз по стене, сажусь на корточки и опускаю голову, рассматривая свои кроссовки, будто никогда их не видела.

— Огоньку? — До жути знакомый голос вонзается в мое сердце, как нож в мясо.

Я поднимаю голову и вижу перед собой Макса.

Меня отбрасывает в прошлое: к «Карателям», к Крису, ко всему, что приносит мне нескончаемую боль.

— Макс? — Не верю я своим глазам, думая, что это очередная галлюцинация.

— Кимберли, — улыбается он также мягко, как и два года назад.

Я встаю на ноги, убирая сигарету изо рта.

— Что ты тут делаешь?

— У меня такой же вопрос к тебе. — Его мягкий голос ласкает мое сознание, успокаивая душу.

— Я живу тут...

— И давно ты переехала в Россию?

— Два года назад.

— Значит, мы можем перейти на русский?

Из-за своего шока я не заметила, как мы говорили с ним на английском.

Я робко киваю, продолжая утопать в янтарных глазах.

— Отлично, — говорит он на русском.

— Ты не ответил на мой вопрос, — я также перехожу на русскую речь.

Макс мило усмехается, щуря глаза.

— Что? Что я сказала такого смешного?

— Нет, ничего. Прости, просто ты так забавно говоришь на русском, с твоим-то акцентом, — продолжает он хихикать.

— Все так плохо? — интересуюсь я поникшим голосом.

— Нет-нет, это не так. У тебя хорошо получается, даже мило.

Мило? Он сказал, что я мило говорю на русском?

— Я приехал с семьей, у Кэтрин каникулы и она давно хотела посетить Москву, — наконец-таки отвечает он на мой вопрос. — Ты тут с кем-то?

— Нет, я одна.

— Может, сходим в какое-нибудь тихое место? Ненавижу шум.

В этом мы с ним похожи.

— Хорошо, но я плохо еще ориентируюсь, — мямлю я.

— Не волнуйся, я тут каждый закоулок наизусть знаю, тем более я живу недалеко. — Макс протягивает мне зажигалку. — Ты вроде покурить хотела, — напоминает он про сигарету в моей руке.

Я беру зажигалку и подпаливаю кончик сигареты, вдыхая отравленный дым в свои отравленные легкие.

Господи, как же хорошо.

— Спасибо, — благодарю я и протягиваю ему зажигалку.

— Оставь себе, я новую куплю, — настаивает парень.

И я оставляю его вещь себе, спрятав во внутренний карман куртки. Ближе к сердцу.

«...The normals, they make me afraid

Нормальные люди, они заставляют меня бояться

The crazies, they make me feel sane

Сумасшедшие, они заставляют меня чувствовать себя в здравом уме»

Melanie Martinez - Mad Hatter

Глава 3. Счастливого дня смерти

Когда Макс сказал, что он поведет меня в тихое место, то я никак не ожидала того, что мы придем к нему домой. Он не соврал, его дом действительно находится очень близко от бара, буквально через дорогу.— Есть небольшая проблема, — предупреждает меня парень, как только мы переступаем порог его квартиры.— Какая? В коридор выбегает розововолосая девушка. Как только она видит меня, то ее первоначальная улыбка сразу же гаснет и сменяется на хмурый вид. Видимо, я ей уже не понравилась.— Привет, — машу я ей ладонью, но та мне не отвечает.— Она плохо понимает русский, — разувается Макс. — И английский тоже.— *Wer ist sie?* (Кто она?) — указывает она на меня пальцем. Я не знаю, о чем именно она спросила, но предполагаю, что она поинтересовалась моей личностью. Макс что-то ей ответил махнув рукой, а та показала ему средний палец и продолжила стоять, упирая руки в бока.— Ты мне не нравишься. — Русский этой девчонки настолько плох, что даже я не могу его нормально распознать.— Что, прости?— Ты, — указывает она на меня пальцем, — мне, — переводит она палец на себя, — не нравишься. И это говорит девушка с розовыми волосами? С проколотой бровью, нижней губой и носом? Яжимаю плечами, наконец-таки разуваясь. Макс проводит меня в гостиную, где сидит его мама, а сам уходит к сестре.—

Кимберли! Как я рада тебя видеть, Максим столько про тебя рассказывал! — улыбается женщина. — Присаживайся, не стесняйся. Меня зовут Аврора, ну а про Кэтрин ты уже знаешь. Я неловко улыбаюсь, садясь рядом с ней. — У вас... довольно уютно. *Просто захлопни свой рот.*

Я не знаю, о чем можно с ней разговаривать. Я же никогда ее не видела.

— Благодарю. Максим говорил, что ты жила в Сан-Франциско.

— Да, мы познакомились на дне рождения Алексы.

— Александра, точно! Такая хорошая девочка в свое время была.

— Что-то изменилось?

Аврора встает с дивана и подходит к стеклянному шкафу, доставая из него толстый альбом. Она возвращается обратно, открывает его и перелистывает пару страниц, натыкаясь на нужное фото.

— Это Саша и Максим в первом классе.

Я перевожу свой взгляд на фото. Не знала, что Алекса носила очки. Она такая застенчивая, я бы и не подумала, что на фото величайшая Алекса Брук, глава русской мафии и просто взрывная личность.

— Я бы не сказала, что это Алекса, слишком уж эта девочка зажатая.

— Саша была такой до восемнадцати лет. Очень тихая девочка, всегда была в стороне от социума, конечно, у нее

были подружки, но подругами я бы их не назвала.

Эрик рассказывал, что встретил Алексу, когда той было семнадцать. Может ли быть такое, что он поменял ее отношение к миру? Алекса упоминала, что Эрик хотел ее убить, но, может, дело не в этом?

— Что-то Максима давно нет, — напоминает она. — Ким-берли, не проверишь, как он? А то я боюсь, что Кэт снова затеяла с ним драку, — хихикает женщина.

— Да, конечно.

Квартира у них небольшая, найти Макса будет не так сложно, тем более на двери его младшей сестры висят множество каких-то табличек, постеров и наклеек со знаком «СТОП».

Я стучусь в дверь.

— Макс, у тебя там все нормально? — интересуюсь я.

— Да, заходи.

Из-за сна у меня появился новый страх: теперь я боюсь заходить в комнаты.

Сделав глубокий вдох, я поворачиваю ручку двери и аккуратно прохожу в комнату. Макс стоит у стола и с кем-то переписывается в телефоне, а как замечает меня, то откладывает мобильник в сторону.

— Твоя мама попросила тебя проверить, — я оглядываю помещение, замечая множество медалей, кубков и дипломов.

— Прости, сначала я говорил с Кэтти, а потом отвлекся

на телефон.

— Ты занимался каким-то видом спорта?

— Да, боксом, пока не переехал в Германию.

Смотря на огромное количество медалей и кубков, я сделала вывод, что Макс занимался боксом с детства.

— Ты мне не рассказала, почему переехала в Россию.

Стоит ли ему вообще рассказывать правду?

— А ты мне не рассказывал, почему переехал в Германию,
— сменяю я тему.

— Мой отец умер. Мама не могла справиться с потерей и решила кардинально сменить обстановку. Ей все мешало жить, и поэтому мы уехали в другое место.

Я не думала, что он так детально расскажет о причине своего переезда. Наверное, будет не честно, если я не отвечу ему той же правдой.

Я сажусь на кровать, притягивая ноги к груди и обвивая их руками. Макс также садится рядом со мной.

— Помнишь наш последний разговор? — начинаю я издалека.

— Предположим.

— Примерно через десять дней после него у меня умер папа. — Я ковыряю заусенец на пальце, ощущая что-то липкое.

Макс молчит, ждет, пока я продолжу.

— Он был на задании, а в здании была заложена бомба,
— я смотрю на свой окровавленный палец, начиная расти-

рать по нему кровь. — Отец умер от взрыва, когда я об этом узнала, то на мой телефон пришло сообщение от неизвестного номера.

— Что там было написано? — голос Маска настолько успокаивающий, что я хочу уснуть.

Все эта обстановка впервые не давит на меня, а наоборот, словно заворачивает в теплое пуховое одеяло и убаюкивает.

— Что игра только началась. Мы с мамой приняли решение уехать из Калифорнии. Я с ней не разговаривала два года, но знаю, что у нее есть новый мужчина и от него она родила дочь. Заменила меня. — Я впиваюсь ногтем в кожу на пальце, чтобы кровь шла сильнее.

— Уверен, что она скучает по тебе и все также любит.

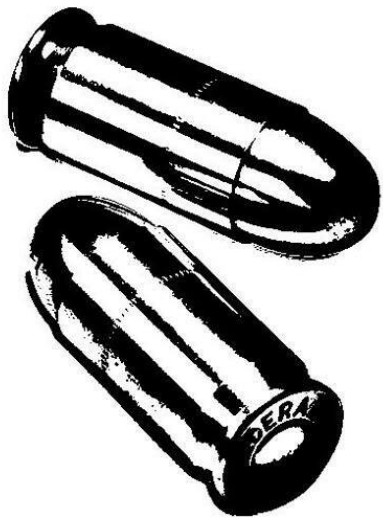
Я чувствую прикосновение пальцев парня на своей щеке. Я не заметила, как начала плакать, а Макс вытирает мои слезы через чур нежными прикосновениями. Ко мне так никто не прикасался. Разве что Кристиан.

— Не думаю, что возможно любить человека, который сломал тебе всю жизнь.

— Но в этом нет твоей вины.

Макс притягивает мое тело к своему, обвивая меня руками.

Ненавижу, когда меня жалеют. Но сейчас мне это жизненно необходимо, поэтому я обнимаю его в ответ, продолжая плакать.



Вернулась я домой только к пяти утра. Аврора настаивала, чтобы я осталась переночевать, но я не хотела им мешать, да и сестре Макса я настолько не понравилась, что она не выходила из своей комнаты все то время, пока я была у них.

Когда я пыталась открыть дверь, то обнаружила, что она не заперта. Я помню, что закрывала ее. Кто-то проник в квартиру, и теперь это точно не Алекса. Она бы не оставила дверь открытой.

Я сжимаю ручку двери, не решаясь зайти. По спине сте-

кают струйки холодного пота, пока в голове крутятся разные сценарии будущего. Пистолет в квартире, я без оружия, а если внутри кто-то есть, то он явно нашел пушку. Но кто это может быть?

Мне ничего умного не пришло в голову, как написать Алексе.

КИМБЕРЛИ: В моей квартире кто-то есть.

АЛЕКСА: Выйди на улицу и жди меня, через пару минут буду.

И как у нее только получается добираться от своего дома до меня за пару минут, когда же мне приходится ехать час с лишним?

Глупо было писать ей. Наверное, в ее глазах я показалась трусихой.

Я не послушала Алексу и зашла в квартиру. Аккуратно разулась, чтобы не создавать шум от подошвы, и прошла на кухню. Слишком тихо и темно, как в том сне. Я пытаюсь привыкнуть к темноте, ища на столешнице нож, но как только я нащупала рукоять — к моему затылку приставили дуло.

— Доброе утро, Кимберли. — Мужской и незнакомый голос сильнее подталкивает меня к панике. — Прошу прощения за столь ранний визит, но мы не могли найти вас.

— Кто ты и что тебе от меня нужно? — Я пытаюсь сохранить хладнокровие, но голос дрожит.

— Не волнуйтесь, убивать я вас не намерен. Я всего лишь хочу вас предупредить о сегодняшнем дне.

Я сглатываю ком в горле, продолжая неподвижно стоять.

— Дело в том, что сегодня ровно в три часа дня произойдет передача двух девушек. Она будет проводиться в торговом центре. Александра знает об этом, как и вы, но спешу сообщить, что лучше вам там не появляться.

— С чего такое опасение?

— Опасений нет, но именно вы, Кимберли, наведете лишнего шума. Мы же оба понимаем, что если ваше лицо засветится в обществе, то у Александры появятся проблемы.

— О каких проблемах идет речь?

— Вы сами о них знаете. Мое дело всего лишь предупредить вас, но вот прислушаетесь ли вы к моему предупреждению — это решать только вам. — Незнакомец убирает пистолет, кладя тот на стол. — В ваших интересах прислушаться к совету моего босса. До свидания, Карма.

Меня словно ударили по голове чем-то тяжелым после того, как я снова услышала этот псевдоним. Может быть, это галлюцинация?

Мужчина ушел, а я все еще остаюсь укутанная в темноте и тишине, переставая осознавать все вокруг.

— Ким!

Алекса включает свет и подбегает ко мне, беря мое лицо в руки и начинает осматривать его, вертя из стороны в сторону.

— С тобой все нормально? Кто приходил, кого ты видела? — нервно расспрашивает она, но я даже рот открыть не могу

из-за шока. — Кимберли, не молчи!

— Я... я не видела лица. Какой-то мужчина приставил дуло к моей голове и сказал, что сегодня мне не нужно появляться в торговом центре, в котором будет проходить передача девушек.

Алекса сразу же замирает, а брови ее сводятся к переносице.

— Сукины дети, — рявкает она.

— Ты знаешь кто это был?

— Знаю. Что он еще говорил?

— Больше ничего. Когда ты хотела мне рассказать о перехвате?

— Еще вчера. Я узнала о нем, когда ты ушла из резиденции, но я не могла до тебя дозвониться.

Она отпускает меня, делая пару шагов назад.

— Где ты вообще была? — интересуется она, замечая на столе пистолет.

— Сначала я поехала в бар, потом встретила Макса и мы пошли к нему.

Алекса приподнимает брови в изумлении, приоткрывая рот, потом она достает телефон и начинает кому-то звонить.

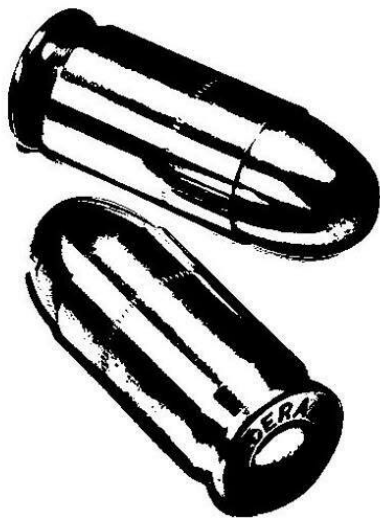
— Поехали, — подгоняет меня та, направляясь к выходу.

— Куда? — Я иду за ней.

— В резиденцию. Алло, мне нужна твоя помощь, за тобой приедут мои люди.

Мы выходим на улицу и садимся в черный «Бумер» Алек-

сы, за рулем которого сидит Инга.



Я просидела в резиденции три часа. Все это время Алекса и Инга не отвечали ни на один из моих вопросов. Я понятия не имею кому она звонила и за кем должны приехать ее люди.

— Если вы мне не ответите, кто именно сюда должен приехать, то я сейчас встану и уйду домой! — повышаю я голос, вскочив с места.

В эту же секунду дверь в зал переговоров открывается, а за спиной я слышу знакомый голос:

— Пупс, а тебя как занесло в эти края?

Пупс.

Я оборачиваюсь на Эрика, пока из моих легких выходит весь кислород. Мужчина медленно сокращает между нами дистанцию, осматривая зал.

— Давно я тут не был, ты сделала перестановку? — обращается он к Алексе.

Я все еще не понимаю, зачем Алекса позвонила Эрику и для чего позвала сюда. Разве все настолько плохо?

— У нас проблемы, — сухо отвечает девушка, пока Инга что-то печатает на клавиатуре ноутбука.

— Нет, Саша, у нас не проблемы — мы в полной заднице! — Девушка поворачивает ноутбук на нас троих. — Соболев усилил охрану, они решили перестраховаться. Только я не понимаю, почему передача именно в торговом центре?

— Чтобы создать невидимость. В торговом центре шквал лиц, и передать девушек из рук в руки будет не так сложно, — поясняет Алекса.

Мы с Эриком переглядываемся друг с другом, не осознавая всю суть разговора тех двоих. Потом он странно улыбается, хватая меня за руку и уводит из зала переговоров так быстро, что я не успеваю среагировать на его хватку.

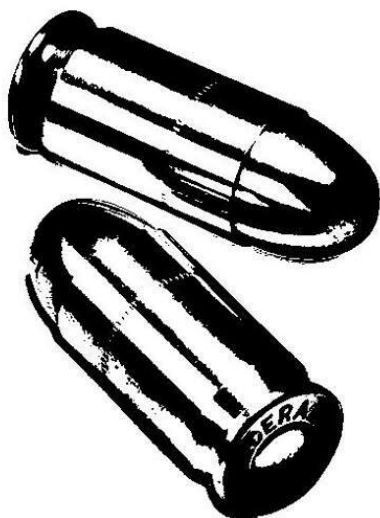
— Какого хрена ты здесь забыла? — Мужчина сразу же меняется в лице.

— Работаю, — растерянно отвечаю я, бегая глазами по его лицу.

— Пупс, ты хоть понимаешь, в какое дерьмо вляпалась? Алекса не тот человек, на которого нужно работать, поверь.

— В тебе говорит ревность или неуверенность? — Я скрещиваю руки на груди, выгибая брови.

— Ни одно из них. Просто держи мои слова у себя в голове.



Я захожу через главный вход в торговый центр, Алекса и Эрик зашли через черный ход, а Инга находится в комнате охраны и следит за ситуацией по камерам.

— Кимберли, подойди к фонтану и стой там. Алекса, ты подойти к эскалатору. Эрик, поднимайся на второй этаж и стой у левого крыла, оттуда должна выйти цель, — раздает указания Инга по наушнику.

По плану Алексы: Эрик должен проводить цель до первого этажа, Алекса их встретит, а передача должна проводиться у фонтана, рядом с которым я заняла свою позицию. Моя задача заключается в том, что я должна перехватить у них девушек, не убив при этом кого-то. В здании слишком много гражданских, Алексе не нужны проблемы.

— Эрик, ты на месте? — интересуется Инга.

— Давно.

— Они выходят, незаметно пройди за ними и проследи, чтобы цель дошла до эскалатора.

— Я их вижу, — сообщает Алекса. — Ким, они идут к тебе.

Мужчина с двумя запуганными до смерти девушками подходит к фонтану и останавливаются рядом со мной. Теперь мой ход.

Я смотрю в телефон и делаю вид, что чем-то шокирована, громко вскрикивая:

— Твою мать!

Специально несусь на мужчину и толкаю того в фонтан. Девушки испуганно отходят, но не убегают. Бедняжек запугали настолько, что они даже бояться сделать лишний шаг.

— Сука, ты видишь куда идешь? — рывкает мужчина.

— Простите, я вас не заметила, — машу я руками в растерянности, а потом перевожу свой взгляд на девушек. — Бегите, чего встали? — шикаю я, но они продолжают стоять, держась за руки.

Мужчина вылезает из фонтана, теперь вся его форма насквозь мокрая, а его лицо искажает гримаса ярости.

— Я тебя утоплю в этом фонтане.

— Я же извинилась, чего вам еще нужно? — Я пытаюсь тянуть время, пока размышляю над новым планом.

— Свали с моих глаз.

— Что за не уважение к девушке? — наигранно удивляюсь я. — Вы также говорите со своей мамой?

— Ты тупая? Могу мозги быстро вправить.

— Нельзя так разговаривать с девушками, урод!

Я толкаю мужчину в грудь двумя руками и тот снова падает в фонтан.

— Твою мать, я сказала вам бежать! — повышаю я голос на тех двоих, но они лишь вздрагивают.

Я замечаю, как за спинами девушек к нам приближается еще один мужчина в форме, доставая из-под пиджака пистолет. Моя рука машинально тянется к пушке, спрятанной у меня в кобуре под курткой.

— Кимберли, нет! Я не давала разрешения стрелять! — кричит Алекса через наушник, но я ее уже не слышу.

Если на меня направляют оружие, то я не буду стоять и ждать своей смерти от свинцовой пули.

— Сучка, я убью тебя! — кричит тот, что в фонтане.

Сначала я убиваю того, кто сзади девушек, потом убиваю того, кто в фонтане. От звука выстрелов люди в здании начинают паниковать и кричать, создавая беготню.

— Кимберли, уводи девочек! — кричит уже Инга.

Несколько пуль со свистом проносятся мимо меня, я сшибаю девушек, роняя тех на пол, прикрывая их своим телом. Оглядываюсь по сторонам в поиске выстрелов и вижу из дальнего угла мужчину, видимо, он и стрелял.

Пока он выходил из укрытия, я быстро схватила девушек и начала убегать.

— Пригнитесь! — командую я им.

Снова несколько выстрелов. Я стреляю в слепую, чтобы оторваться от преследования пуль, стараясь не задеть обычных людей.

— Прикройте меня! — прошу я у Алексы и Эрика.

— Эрик за тобой, води девочек к выходу, я вас жду, — говорит Алекса.

Я добегаю до главного входа, большинство людей уже покинуло торговый центр, но именно в дверях происходит дикая давка.

— Я веду их к черному ходу, у главного много людей!

Я снова хватаю девочек за руку и бегу с ними в противоположную часть здания.

Добежав до места, там нас уже ждала Алекса.

— Ким, ты идешь с нами и это не обсуждается!

— Да, хорошо.

Свист от пули и острая боль пронзает мое плечо. Я оборачиваюсь и стреляю несколько раз. Одна пуля задела руку человека, который в меня стрелял, а когда я получше разглядела его, то увидела Криса.

Меня покидают все мысли. Я стою перед ним в нескольких шагах, пока тот зажимает кровоточащую руку. Я снова направляю на него пистолет. Теперь я его точно убью.

Но как только Крис замечает мои действия, он ринулся бежать. И я бегу за ним, забыв о своем ранении. Сейчас я не чувствую боль, только ненависть и агрессию.

Алекса обманула меня? Крис жив и работает на тех ублюдков, что продают девушек, или он главный?

— Пупс, куда ты ринулась? — В наушнике раздается голос Эрика, но я не отвечаю ему.

Я поймаю его. Любой ценой.

Меня сбивает с ног какой-то мужчина и я падаю на пол. Оглядываюсь на него, но тот уже убежал дальше. Из-за столкновения я выронила пистолет, а когда попыталась дотянуться, то увидела перед собой дуло, а только потом лицо.

Это был не Кристиан. Я ошиблась.

Я отползаю назад, но он продолжает идти на меня, все еще держа пистолет.

Из-за своей глупости я сейчас умру. Из-за своей галлюцинации я снова все испортила.

Мои глаза не отрываются от лица светловолосого мужчи-

ны, а потом происходит выстрел в его голову. Он замертво падает у моих ног, а тот, кто стрелял, смотрит на меня хмурым взглядом.

— Я спас твою задницу, пупс.

Эрик начинает идти в мою сторону, но происходит то, чего мы оба не могли предвидеть.

Эрику стреляют в голову с правой стороны. Мои глаза расширяются, сердцебиение учащается, я перевожу взгляд на того, кто стрелял, но мужчина уже переводит оружие на меня и готовится совершить новый выстрел. Я быстро хватаю с пола пистолет и делаю несколько выстрелов в него. Он мертв, и я нахожусь с тремя трупами.

Встав с пола, я не решаюсь подойти к телу Эрика. Я боюсь, что его убийство окажется правдой.

— Эрик? — шепчу я, делая первый шаг к нему навстречу, но меня хватают со спины и оттаскивают.

— Кимберли, на выход! — пытается оттащить меня Алекса.

— Нет! Отпусти! Там Эрик, он... он... — я не могу договорить, мысли и действия опережают слова, а глаза обжигает прилив слез.

— Эрик мертв, Кимберли! На выход!

— Нет, пожалуйста! Отпусти меня, мне нужно к Эрику!
— Я пытаюсь вырваться, но у меня не получается.

Я плачу, пока Алекса тащит меня к выходу из здания. Плач перерастает в истерику и крик. По моей вине убили

Эрика. Я виновата в его смерти. Сколько еще людей умрет из-за меня? Скольких я должна видеть в гробу и хоронить?

Из-за приступа психоза, который снова появился у меня за два года тишины, я не заметила, как меня уже вывели на улицу и посадили в машину. Я продолжаю плакать, сгибаясь в спине и зарываясь пальцами в свои волосы, сжимая и оттягивая их. Я начинаю задыхаться от приступа и слез, все тело лихорадочно трясет так сильно, что кости начинает ломать. Я кричу, бью кулаками по переднему сиденью, но легче мне не становится.

Когда мы подъехали к резиденции, Алекса вытаскивает меня из машины и заводит в здание. Я продолжаю вырываться, думая, что я сейчас побегу в торговый центр, чтобы увидеть тело Эрика, но Алекса толкает меня на пол, садится сверху и крепко держит за руки.

— Успокойся, сейчас же! — пытается она вразумить меня.

В голову лезут воспоминания, когда Марк нашел меня в приступе психоза в бывшей штаб-квартире, когда мне сказали, что мама мертва.

Мою щеку обжигает удар со стороны Алексы. Она берет меня за лицо, больно сжимая челюсть.

— Прекрати орать, или я вызову санитаров, и тебя отвезут в психиатрическую больницу! Ты поняла меня?

— Из-за меня умер Эрик, ты не понимаешь?! Из-за меня! Я увидела Криса и побежала за ним, но это оказался не он!

— выпаливаю я. — Эрик спас меня, но умер по моей вине!

Когда я открываю глаза, то вижу над собой и Кэша. Он отталкивает Алексу, хватая меня за грудки и поднимает, почти отрывая мои ноги от пола.

— Повтори, что ты сказала, — требует он.

— Кэш, не надо, — останавливает его девушка.

— Повтори, что ты сказала! — повышает он свой и так грубый голос.

— Эрик умер, его убили, — всхлипываю я. — Прости, я не...

— Если бы ты не была моей подругой, то я бы убил тебя прямо сейчас. Будь ты проклята, Кимберли Франкс.

— Кэш! Она не хотела этого!

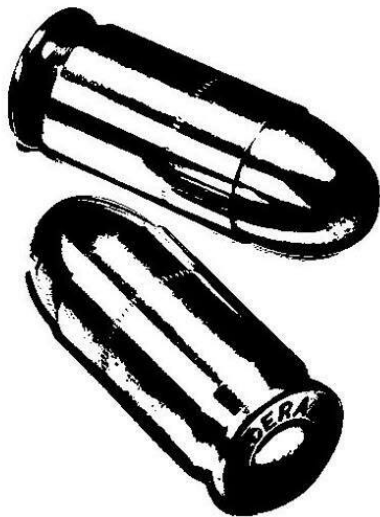
— Мне плевать, Алекса. Она сделала дохера дерьма, но всегда ей сходило это с рук. — Кэш отпускает меня, отталкивая от себя. — А теперь пошла на хер, Ким.

— Прости, пожалуйста, я не хотела этого, — шепчу я.

— Не хотела?! А перед могильной плитой Эрика ты тоже будешь извиняться?! Эрик умер по твоей вине, из-за твоих блядских галлюцинаций! Тебе нужно лечить голову, а не находиться в обществе!

Я больше не могу слушать это. Не могу слушать горькую правду о себе.

Я срываюсь с места, отталкиваю Алексу и выхожу из резиденции, а потом просто бегу домой, пока слезы искажают картину реальности.



Пока я неслась со всех ног по всему району, мой телефон разрывался от звонков. Когда забежала в квартиру, то оказалось, что мне звонила Алекса, но сообщение от матери сделало мне вдвойне хуже.

Отбросив телефон в сторону и скатившись по двери, я обвиваю себя руками, упираю лоб в колени, снова срываясь на истерический крик, смешанный со слезами отчаяния.

МАМА:С днем рождения, моя милая Кимберли! Мы очень скучаем по тебе.

Отправлено в 10:32

«... You won't escape

Тебе не сбежать.

So dig your grave

Так что выкопай себе могилу.

No use in trying to hide

Бесполезно пытаться спрятаться»

Erick Serna and The Killing Floor — Dig Your Grave

Глава 4. Воскрешение

Через неделю состоялись похороны. Я не приезжала, Кэш бы не пустил меня, даже несмотря на то, через что мы с ним прошли. Эрик был хорошим другом его отца, который тоже был на похоронах. Он бы просто убил меня, и хоронить пришлось бы два трупа.

— Кимберли, — привлекает к себе мое внимание Лемми, — О чем вы сейчас думаете?

Я перевожу свой пустой взгляд с ног на лицо психотерапевта.

— Ни о чем.

— Человек не может ни о чем не думать, — спокойным голосом оспаривает он. — Иначе бы вы не существовали сейчас, не разговаривали бы со мной.

Он пытается разговаривать со мной, чтобы помочь. Но я не могу отвечать ему правдой, боюсь отвечать правдой.

— Кимберли, Александра рассказала мне о ваших галлюцинациях. Вы видите Кристиана в мужчинах.

— Не во всех, — перебиваю я. — Не все мужчины кажутся мне Крисом, в вас я его не вижу. И вообще, разве так разрешено делать? Какой-то левый человек, как Алекса, может влезать в наши разговоры? — я начинаю нападать на него с агрессией, и Лемми это прекрасно понимает.

Мужчина встает со своего кресла и подходит к окну, за-

думчиво разглядывая высоченные здания.

— Нет, Кимберли, наши разговоры конфиденциальные, никто, кроме нас двоих, о них не знает. Александра позволила мне и рассказала про ваши галлюцинации.

Если Алекса рассказала про мои галлюцинации, то нет смысла молчать. Она позвонит и расскажет еще чего-нибудь лишнего.

— Как только Алекса сказала мне, что Крис пропал без вести, то я начала его видеть во снах и наяву.

— Что было, когда он вам снился, что вы чувствовали?

— Страх, потому что это был сон, и я не знаю, чего ожидать от своего поломанного мозга! — облакачиваюсь я на спинку кресла, спуская ноги на пол.

— Ваш мозг не сломан, но ему необходимы препараты, которые я вам прописал. Вы их пьете?

Его вопрос заставляет меня опустить голову, как провинившийся ребенок.

— Нет.

— Кимберли, — возвращается Лемми на свое место. — Вы же понимаете, что если вы не будете пить таблетки, то даже я буду бессилён в вашей ситуации? Ваше лечение в ваших руках, а я всего лишь направляю вас, но без должного лечения вы не сможете оправиться. — мужчина делает паузу, ожидая моей реакции, но, кроме смятения, он ничего не видит и решает продолжить: — Вы ощущаете страх при виде Кристиана, потому что все еще не можете его отпустить,

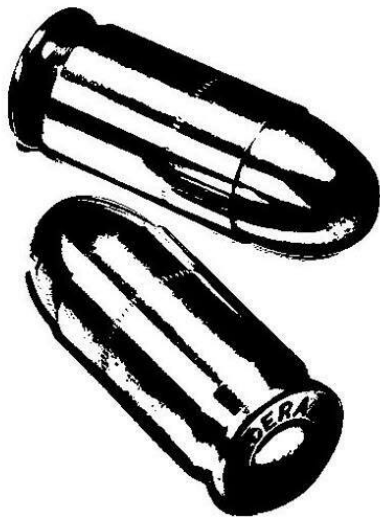
это ваша защитная реакция, и это нормально. Когда вы в последний раз видели Кристиана?

— Я больше не хочу разговаривать! — резко выпаливаю я, жмуря глаза.

— Хорошо, на сегодня прием окончен.

Каждый раз, когда я выхожу из кабинета Лемми, то чувствую себя подавленной и опустошенной. Некоторые люди чувствуют свободу, когда проведут беседу с психотерапевтом, чувствуют себя чище в душевном плане, но я ощущаю себя картонной коробкой, из которой вытащили что-то, а обратно не положили.

Где я видела Криса? В последний раз мы виделись на пирсе в Сан-Франциско, но я не хочу туда.



Тяжелые, длинные гудки. Алекса занята, не факт, что возьмет трубку. А может, она просто не хочет мне отвечать и контактировать после смерти Эрика.

Я также не появлялась всю неделю в резиденции, все дни я провела одна в квартире, ночами не спала, потому что снились кошмары. У меня образовались мешки под глазами из-за недосыпа, я сильно похудела и перестала контактировать с людьми. В магазины я не хожу — заказываю еду доставкой, новости не смотрю, в социальных сетях появляюсь редко. Я

настолько отгородила себя от внешнего мира, что отвыкла от него.

— Да? — раздается женский голос, от которого в груди больно саднит.

— Алекса, привет... — робко отвечаю я, ковыряя заусенец на пальце.

— Что-то случилось? Мне приехать? — встревоженно тараторит она.

— Нет, нет, все хорошо. Я хотела спросить, у тебя случайно нет... — мнусь в вопросе, — личного джетта?

— Ким, при всем моем уважении к тебе, я не настолько богатая, чтобы иметь личный джет в каждом городе мира или хотя бы в каждой стране.

— Ладно, извини, глупо с моей стороны просить это, — вздыхаю я, собираясь завершить звонок.

— А зачем тебе личный джет? — доносится из динамика, и я снова прикладываю телефон к уху.

— Ну... Я хотела слетать в Сан-Франциско, в свой старый дом. Лемми посоветовал некую практику, — вру я.

— Подожди пять минут, я перезвоню тебе. — Алекса сбрасывает, а я продолжаю стоять с телефоном у уха.

И зачем я только соврала? Я могла сказать правду, что хочу съездить в дом Тома Аллена. Я сама не знаю зачем мне это, но что-то мне нужно там увидеть или найти, пока не знаю ответа.

Телефон снова начинает вибрировать, а на экране высве-

чивается номер Алексы.

— Алло. — я уже готова к отрицательному ответу от девушки.

— Когда ты хочешь отправиться в Сан-Франциско? — от ее вопроса я опешила, но полезла в календарь.

Черт, кроме сегодняшнего дня, все остальные забиты работой и приемами у Лемми.

— Сегодня.

— Сегодня? Ты уверенна?

— У меня больше нет свободных дней, — удрученно вздыхаю я, потирая переносицу.

— Во сколько готова выезжать?

— Через два часа.

— Хорошо, жмет будет ждать тебя в Шереметьево, тебя встретит мой человек.

— Спасибо тебе большое! — я завершаю звонок и начинаю наспех собирать вещи.

Через два часа я уже была в аэропорту, ждала, пока ко мне подойдет кто-то из людей Алексы, но уже как минут пятнадцать за мной никто не пришел. Как только я достала телефон, чтобы позвонить девушке, на мое плечо легла тяжелая широкая ладонь. Я сразу же отдернулась от испуга, а мужчина в пиджаке отвел от меня руку.

— Прошу прощения, мисс Франкс, — извиняется он на английском. — Мисс Брук попросила меня сопроводить вас в Сан-Франциско. Пройдемте за мной.

Я ничего не успела ответить ему, как мужчина начал идти в сторону выхода, а мне пришлось поспевать за ним.

Для поездки в родной город я не брала какие-то вещи, всего лишь паспорт и деньги, которые придется обменивать на доллары.

Меня проводили в самолет, усадили. Стюардесса с милым личиком предлагала мне еду и напитки, но я от всего отказалась.

— Мисс Франкс, полет из Москвы в Сан-Франциско займет двенадцать часов вашего времени, — лепечет девушка, — Мисс Брук попросила меня проследить за вашим питанием во время полета.

Господи, даже в небе она от меня не отстанет.

— Можешь принести виски с колой?

— Может, предложить вам что-нибудь из горячих блюд?

— На свое усмотрение, но виски с колой чтобы были.

Она кивает мне украдкой и уходит, виляя бедрами, которые так сильно облегают из-за ее строгой юбки.

Я запрокидываю голову на спинку кресла, потирая виски.

Двенадцать часов полета выдались для меня запредельно мучительными, но я выдержала пытку и решила поскорее улизнуть от людей Алексы, сказав о том, что мне нужно личное пространство, а если они этого не сделают — у меня случится приступ психоза. Они поверили, не стали расспрашивать подробностей, не пошли за мной следом, а просто отпустили, но в любой момент я могу им позвонить и сооб-

щить об опасности.

Алекса предусмотрела все до мелочей, это приятно, но начинает раздражать меня. Она позаботилась даже о машине, которая стояла на парковке аэропорта: черный «Митсубиси Лансер». Пафос — ее второе имя.

Я сажусь в автомобиль и забиваю в телефоне нужный мне адрес, за два года моя память стала забывать местность родного города. Как только карта провела мне маршрут, я завожу мотор, не пристегивая ремень безопасности. Страх ремней до сих пор не прошел.

До дома Аллена я доехала быстро, но остановилась за квартал от назначенного места. Дальше пошла пешком.

Дом все еще не снесли, но его демонтируют. И кому он только нужен?

Оглядев местность и убедившись, что рядом ни одной живой души, которая могла бы меня заметить, я перелезаю через оградительную ленту и прохожу в дом.

На первом этаже ничего не изменилось, везде разруха и хаос, который я оставила здесь два года назад. В воздухе все еще витает запах жженого дерева и пластика. Видимо, тот, кому понадобился этот дом, только начал его ремонтировать, но почему он решил заняться внешней частью?

Это место волнами сшибает меня с ног, чтобы я окунулась в воспоминания прошлого.

Пройдя пару метров, смотря себе под ноги, я наткнулась на запекшуюся лужу собственной крови, а чуть дальше я об-

наружила старые капли крови самого Тома Аллена, но одна деталь ввела меня в замешательство.

Капли крови ведут к стене, и если в моей голове осталось хотя бы несколько здоровых клеток, то можно сказать, что после моих выстрелов, Том упал на пол. Каким образом он поднялся после пяти всаженных в его тело пуль, и зачем пошел в сраную стену? Пытался найти выход, но из-за дыма дезориентировался? Нет. Это не стена.

Я подхожу ближе и ощупываю стену на наличие чего-нибудь скрытого от обычных глаз, но ничего нет. Ни рычага, ни кнопки. Тогда я решаюсь навалиться всем весом, пытаюсь выбить дверь, но и здесь меня ждала неудача. Скорее всего дверь сделана из стали, и причем очень хорошей. Теперь смерть Тома под еще бóльшим сомнением.

На первом этаже делать больше нечего, и я решаюсь подняться на второй. Лестница слишком хлипкая, мне приходится держаться за перила, чтобы, если я провалюсь под обгоревшим деревом, то хотя бы удержусь. На втором этаже картина не лучше первой, а половина коридора выбита взрывной волной. В тот вечер я прошла мимо второго этажа, думаю, что это отличный момент, чтобы обойти его.

Несколько комнат обгорели настолько, то даже дышать в них невозможно, вряд ли там есть что-то интересное. Пока что я не знаю, что именно ищу, но мне кажется, что я пойму, как увижу.

Черная обугленная комната меняется на такую же, но

пройдя их, я натывкаюсь на уцелевшую, почти уцелевшую. Это кабинет Тома Аллена, видимо, у него во всех домах есть личное пространство, которое он так хорошо скрывает. Заходя в кабинет, тут также пахнет гарью, но не сильно, будто эта комната специально была создана для таких случаев.

Я подхожу к столу, на котором разбросано множество каких-то документов. Ничего интересного. В шкафах тоже ничего, лишь скучные книги по экономике и еще чему-то. Когда я вытаскивала все книги, кидая те на пол, то на полке под ними я заметила папку.

Это дело Кристиана. Тут буквально все: его медицинская карта, заведенная с рождения, смена нескольких школ и постановления на учет. А еще с момента убийства его матери у Криса была тяжелая депрессия, он не ходил в школу до тринадцати лет, а также ни с кем не шел на контакт, кроме женщин. Он разговаривал с личной няней по имени Люсия, разговаривал с Алексой, с домохозяйками, а также со Светланой, но он всегда закрывал рот при виде отца и Роберта. Он боялся их?

Пролистав до конца папки, из нее выпал документ. Я поднимаю его с пола и вижу жирным шрифтом: «Доверенность». Следом идет что-то в роде клятвы: «Я, Кристиан Хайдер IV, являюсь единственным наследником семейной династии Аллен и возглавляю главную семью из четырех остальных. Клянусь вести семейный бизнес, а также поддерживать бизнес остальных семей. Клянусь править мафией

так, как правила прошлые наследники семьи Аллен, не нарушая традиционные уставы». А потом его подпись, точнее, кровавый отпечаток пальца. Также имеются подписи четырех кланов: Александра Брук, Николос Уильямс, Адам Дэвис и Майкл Смит.

Когда Алекса подписала договор? Если знать о правилах мафиозных семей, то подписи ставят лишь лидеры кланов. По почте такие документы не отправляют, не перевозят из семьи в семью. Ты должен приехать, выслушать требования и предложения, а потом ставить подпись. Когда она приезжала?

Из мыслей меня вывели глухие шаги. Я подпрыгнула от неожиданности, выронив папку, и та звонко упала на пол. Шаги стали приближаться и они явно направляются ко мне. В смятении и панике я собираю выпавшие бумаги из папки и небрежно швыряю все на стол, ища место где можно спрятаться.

— Здесь как обычно: темно, воняет. Почему вы не хотите его снести? — Мужской голос заставляет меня задержать дыхание, прижаться к стенке под столом сильнее и закрыть глаза.

Шум от лакированных туфлей раздается по всей комнате, отдаваясь вибрацией в ушах.

— Где, вы говорите, он находится? — Он поворачивается к книжному шкафу и что-то ищет, скорее всего ту папку. — Его здесь нет, зато я наблюдал за другим делом.

Я вслушиваюсь в каждый его шаг, в каждую букву и интонацию. Пытаюсь расслышать человека с которым он говорит, но все бестолку.

— Да, именно сюда. — Он снова приближается к столу, ища что-то на нем. — Мне проследить?

Я бы могла вылезти из укрытия, но я не знаю, есть ли у него оружие. У меня ничего нет, и если я нападу или покажусь, то с вероятностью в сто процентов я окажусь в могиле, а в доме появится свежее пятно крови.

— Понял вас. Также спешу сообщить, что папка на месте, видимо, я поймал ее с поличным, — усмехается тот.

Это он сейчас обо мне говорит? Меня заметили? Я же специально остановилась дальше дома и осмотрелась, нет ли за мной хвоста.

Мужчина начинает выходить из кабинета, но именно в этот момент тишину пространства разрезает рингтон на моем телефоне, а незнакомец останавливается. Я быстро достаю телефон из внутреннего кармана бомбера и выключаю его. Именно сейчас мне должна была позвонить Алекса?! Он снова подходит к столу и стоит, будто своим действием говорит о том, что меня нашли.

Сердце начинает бешено колотиться в груди, отдаваясь шумом в ушах. При всем его желании я не вылезу отсюда, пусть сам меня вытаскивает. Если он даже нагнется, чтобы схватить меня, то я сломаю ему челюсть ногой.

— Да, я здесь. Ничего страшного, просто слышалось.

Теперь он окончательно уходит, оставляя дверь открытой, а я судорожно выдыхаю, ожидая его выхода из дома.

Я вылезаю из-под стола и в полуприсяде подхожу к окну. Как иронично, что вид из него выходит на передний двор. Темноволосый мужчина в длинном пальто подходит к тонированному автомобилю, продолжая с кем-то вести диалог по телефону, а в его руках та самая папка. У меня не хватило ума, чтобы сфотографировать доверенность. Теперь у меня нет компромата на ту же Алексу.

Мужчина оборачивается к дому и смотрит именно в то окно, которое находится в кабинете. Я быстро падаю на пол. Заметил? Через пару секунд снова выглядываю, видя, как тот все еще стоит и улыбается. Значит, заметил меня. Теперь мне точно нужно валить.

Когда я вышла из дома, то машины уже не было, меня это успокоило, но не сильно. В аэропорт ехать опасно, за мной может вестись слежка.

Сев в свой автомобиль, я забиваю в телефоне новый адрес, но меня отвлекает всплывающее уведомление от Алексы.

АЛЕКСА: У тебя там все нормально?

КИМБЕРЛИ: Да, все в полном порядке. Я заеду к Марку, проведу его, а потом вернусь в аэропорт.

АЛЕКСА: Не задерживайся.

Надеюсь, Марк не сменил место жительства.

По пути к Марку, я заехала в свой старый дом. Здесь ничего не изменилось, кроме огромного слоя пыли на всех

поверхностях. В день, после похорон, мы с мамой собрали все необходимые вещи и просто уехали, оставив всю жизнь и воспоминания здесь, пылиться в одиноком доме. В моей комнате также стоят фигурки, когда я уезжала в Лос-Анджелес, то мама не трогала мои вещи, но отправляла мне фотографии пустующей спальни с подписью: «Они тоже скучают по нашей дочке», намекая на фигурки. Тогда я смеялась, говорила о том, что как появится свободное время, то я их перевезу в новое место, но этого не произошло.

Я сдуваю пыль с двух фигурок и забираю с собой. Да, мне двадцать два года, но любовь к Берсерку и Магической битве будет у меня до старости.

Я выхожу из дома, закрываю дверь и снова сажусь в тачку, уже доезжая до дома Марка.

Стучусь в дверь, мысленно молясь о том, чтобы мне не открыл дверь какой-нибудь незнакомый человек. Дверь открывается, а на пороге стоит Марк, который ошарашено смотрит на меня.

— Привет... — заправляю я выбившуюся прядь волос за ухо, виновато смотря на друга.

— Кимберли? — до сих пор не верит он.

— Нет, мать твою, святая дева Мария.

Марк набрасывается на меня с объятиями, практически держа меня в мертвой хватке.

— Черт, Ким, как же я скучал по тебе!

Я обнимаю друга в ответ.

— И я скучала.

— Марк, кто там? — За спиной парня появляется Моника, которая держит на руках ребенка. Когда она успела родить?

Марк заводит меня в дом, ставя напротив девушки.

— Смотри кто приехал.

— О господи, Кимми! — радостно лепечет она.

Марк забирает у той мальчика, и Моника подбегает ко мне, также крепко обнимая.

— Мы так скучали по тебе! Проходи, расскажешь про свои дела, — улыбается девушка.

Мне будто развязали руки, сняли цепи с тела. После их объятий стало так легко и тепло на душе, даже Лемми так не справлялся с моей тревожностью, как Марк и Моника.

Я разубаюсь и меня проводят на кухню, приглашая сесть за стол.

— Значит, вы уже молодые родители? — начинаю я.

Двое странно переглядываются друг с другом, смотрят на мальчишку, которого держит Марк, а потом заливаются смехом.

— Нет, Ким, это Остин. Мой младший брат, ты что, забыла?

И вправду, я забыла, что у Марка была беременна мама. Совсем из головы вылетело.

— Родители Марка переехали в другой дом, а мы живем тут вместе, Остина привозят на выходные или же мы сами

его забираем к себе, — поясняет Моника. — Мы готовимся стать родителями.

— Ого, я рада за вас, — мельком улыбаюсь я.

Рука Остина тянется в мою сторону и Марк протягивает брата мне.

— Марк, я не думаю что...

Но уже поздно, мои руки сами потянулись к ребенку. Остин старше Полли, на год или два, но все равно он кажется для меня таким маленьким. Мальчик укладывает свою крохотную голову на мое плечо. Удивительно, что этот ребенок не чувствует опасности со стороны убийцы.

— Мы не могли его успокоить на протяжении часа, а в твоих руках он даже не пискнул, — удивляется парень.

— Ким, а как у тебя дела?

— Да все хорошо, — нервно посмеиваюсь я. — Живу в России, работаю и посещаю психотерапевта.

Марк с прищуром смотрит на меня, опуская голову на бок.

— Что-то не сильно верится. Ты и психотерапевт.

— Алекса заставила меня, — закатываю я глаза.

— Ты до сих пор с ней общаешься?! — удивляется Моника.

— Я... работаю на нее. Но все легально, правда. Мы держим под собой несколько разных точек в городе и получаем с них прибыль. У Кэша, кстати, тоже все хорошо. Живет с Алексой и помогает ей в делах.

Я не буду рассказывать им, что я убиваю работоторговцев, а еще по моей вине умер Эрик. Что Кэш меня теперь ненавидит, а Алекса избегает.

— А еще у меня появилась младшая сестра, — быстро перевожу я тему.

— Поздравляю! — улыбается Моника, — Как ее зовут?

— Полли.

— Ее обязательно нужно познакомить с Остином, — посмеивается Марк. — А что на счет Криса?

Я меняюсь в лице и когда Моника замечает это, то пихает Марка локтем в бок.

— Он мертв.

— Прости, Ким, я не знал, — извиняется он.

— Все в порядке.

Я аккуратно передаю Остина обратно Марку и встаю со стула.

— Рада была с вами увидеться, но мне нужно в аэропорт.

— Да, конечно, мы проводим.

Выходя с кухни я направляюсь в коридор, сдерживая слезы. Не думала, что упоминание о Крисе снова растопчет меня так сильно.

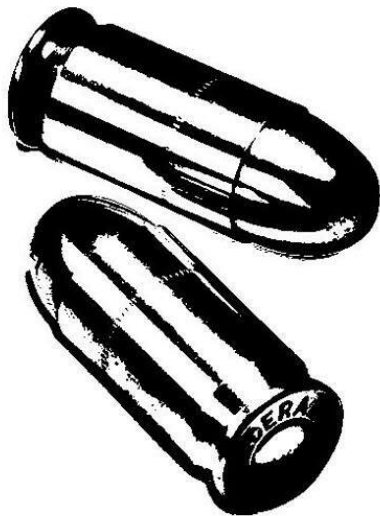
— Звони и пиши в любое время, и передавай привет Кэшу с Алексой. — Моника обнимает меня на прощание.

— Обязательно передам.

Я также прощаюсь с Марком, а потом выхожу из их дома, скорее направляясь в машину, а когда сажусь за руль — на-

чинаю плакать, сжимая кулаки настолько сильно, что ногти впиваются в ладони.

Почему все вокруг меня умирают? Неужели я заслужила такого? За какие грехи я расплачиваюсь чужими жизнями?



В Москву я прилетела только ночью, до дома доехала сама.

Чувство картонной коробки все еще меня не отпускает, а встреча с Марком и Моникой — мимолетное счастье, которое всегда так быстро улечивается.

Я смотрю на пластиковую баночку с препаратами, не решаясь открыть ее и выпить таблетки.

Признай, что ты не пьешь их только потому, что с галлюцинациями ты чувствуешь себя живой.

Признай это, Кимберли.

Ты не хочешь отпустить прошлое.

Резким движением руки, я открываю крышку и выпиваю таблетку залпом, не желая слушать в своей голове голос Аманды.

Я хочу отпустить прошлое, а не жить им и утопать в нем с каждой секундой.

Мои мысли прерывает стук в дверь. Я вскакиваю из-за стола от испуга и выхожу в коридор.

Может, это Алекса?

В дверь стучат ровно три раза, а Алекса никогда не стучит — она звонит в звонок или выламывает дверь к хренам.

Кто это может быть? Я никого не жду.

На всякий случай я прихватила с кухни нож. На цыпочках подкрадываюсь к двери, прислоняюсь к ней ухом, но за своим препятствием я ничего не слышу, и никого.

Снова три стука, которые пугают меня, заставляя отдернуться от двери и крепче сжать рукоять кухонного ножа. Трясущимися руками я поворачиваю замок и открываю дверь, даже не удосужившись спрятать нож за спиной. Пусть тот, кто стоит за моей дверью знает, что я вооружена и в любой момент могу напасть.

Но когда я вижу его, нож падает на пол, а меня сжимают в крепких объятиях, вдавливая в свою грудь.

Нет. Этого не может быть. Прямо сейчас меня обнимает тот, кого я успела похоронить.

— Как же я по тебе скучал, Апельсинка, — шепчет Крис, продолжая обнимать меня.

«...The only heaven I'll be sent to

Единственный рай для меня —

Is when I'm alone with you

Оставаться наедине с тобой,

I was born sick, but I love it

Я родился больным, но мне это нравится,

Command me to be well.

Вели же мне исцелиться»

Hozier – Take Me To Church

Глава 5. Отрицание

— Кристиан? — спрашиваю я дрожащим голосом, не веря в картину происходящего. — Это правда ты?

— Да, Кимберли, это правда я, — парень берет меня за щеки, смотря в мои глаза, — Я думал, что навсегда тебя потерял.

На глаза в миг наворачиваются слезы счастья, которые перемешиваются с отчаянием и болью.

— Моя милая. — Он целует меня в лоб. — Моя хорошая, любимая. — Продолжает он расцеловывать мое лицо.

Если вспоминать его прошлые поцелуи, то они были резкими, грубыми, а сейчас они настолько нежные и любящие.

Это не правда.

Я пытаюсь отрицать. Это галлюцинация, но она настолько живая, что я не хочу ее отпускать. Я не хочу отпускать Криса.

Продолжив сопротивляться своим мыслям, я отталкиваю от себя парня, плетусь назад, но из-за паники и страха ноги меня подводят, и я падаю на пол, теперь уже отползая от него.

— Уйди! Не трогай! — начинаю я кричать в приступе психоза.

Кристиан подходит ко мне, спускается на пол, снова хватая меня за лицо.

— Кимберли, посмотри на меня, успокойся.

— Нет! Просто исчезни! Вылези из моей головы! — Я жмурю глаза, закрываю уши руками, чтобы не слышать и не видеть его, продолжая плакать.

— Ким, посмотри на меня, прошу.

— Уйди, пожалуйста! Просто уйди!

Последнее, что я слышу, звук закрывающейся двери. В квартире снова пустота. Пустота, которая на протяжении двух лет душит меня, сковывает все тело и не дает высвободиться. Больше так не могу. Если галлюцинации от меня не уходят — я сама от них уйду.

Я встаю с пола, захожу на кухню и подхожу к столу, на котором все еще стоит тот чертов препарат. Открываю крышку и высыпаю все таблетки в ладонь, закидываю в рот и запиваю водой. В баночке было примерно штук двадцать таблеток, действуют они не быстро, и я открываю верхний ящик, вытаскивая из него бутылку коньяка. Не помню, откуда она у меня появилась, вроде, Алекса мне ее принесла, но это уже не важно. Открыв бутылку, я наполняю стакан до краев и выпиваю залпом, морщась от вкуса, пока мое горло и все тело обжигает алкоголь.

Зайдя в гостиную, мое тело валится на диван, а глаза закрываются сами по себе, но провалиться в вечный сон мне так и не дали.

Входная дверь распахивается и я снова слышу голос Криса.

— Ким, мать твою!

Он подбегает ко мне, трясет меня за плечи, пока я морщусь и хмурю брови.

— Что ты сделала? Кимберли, ответь мне!

— Выпила таблетки, — полушепотом отвечаю я из-за алкогольного опьянения.

— Какие таблетки? — Он легко постукивает меня по щекам, чтобы я ему ответила. — Говори со мной, не засыпай!

— На кухне таблетки, я их выпила.

Крис отпускает меня и куда-то уходит. Я только начала расслабляться, как он снова возвращается, подхватывает меня на руки и затаскивает в ванную. Парень сажает меня на колени над унитазом, одной рукой собирает мои волосы, а два пальца другой руки он пихает мне в рот.

Сначала я сопротивлялась, кричала и вырывалась, но в конечном итоге я опустошаю желудок. Потом Крис поднимает меня на ноги, пока я хнычу, а тело лихорадит. Он умывает мое лицо ледяной водой, рот я почистила сама, опираясь одной рукой на раковину и плача.

— Иди ко мне. — Он снова заключает меня в крепкие объятия и мы спускаемся на кафельный пол.

Я продолжаю отрицать все происходящее, но сейчас я не отталкиваю Кристиана, а лишь сильнее прижимаюсь к его телу, чувствуя тот душераздирающий и родной запах табака с ментолом. И пусть все это окажется моим сном, но хотя бы так я ощущаю его присутствие, пока в душе что-то медленно разрушается.

Парень гладит меня одной рукой по спине, а второй держит телефон и кому-то звонит.

— Кимберли наглоталась таблеток, я отвезу ее в больницу, — начинает он.

— Нет, стой, — прошу я его. — Мне нельзя в больницу, со мной все нормально, видишь? Не отвози меня в больницу. — Я смотрю на Криса и только сейчас замечаю его короткие волосы.

Где те кудри, которые были настолько шелковисты, что я завидовала? Это не Крис. Где мой Крис?

— Я промыл ей желудок, но не уверен, что вышло все. — Все то время, что он говорил по телефону, он ни разу не посмотрел на меня.

Он так изменился за два года. Стал мужественнее, но глаза теперь какие-то мутные и серые, они не такие, как были прежде. Теперь те льдинки не поблескивают под лучами солнца, они словно растаяли и стали грязной лужей.

— Хорошо, жду.

Крис завершает звонок, а потом молча поднимает меня на руки и ведет в гостиную. Он укладывает меня на диван, но сам стоит надо мной, все еще не смотря мне в глаза. Что я сделала не так? Я начинаю сомневаться, что это сон, потому что меня как раз таки в него и клонит. Я хочу спать так сильно, будто не спала с самого рождения.

— Ким, Ким, не засыпай, — Крис приподнимает мою голову, садится на диван, а следом моя голова оказывается на

его коленях.

— Я та-а-ак хочу спать.

— Нельзя. Лучше расскажи, как ты жила все эти два года.

Как я жила?

— Хреново, — говорю я что ни на есть правду.

— Почему? — подпирает он щеку кулаком.

— Потому что тебя не было рядом.

Только после моего признания Кристиан обращает на меня внимание, а в его глазах поблескивает надежда.

— Ким! — в квартиру забегают Алекса и Инга. — Госпо-ди, ты жива.

Инга сразу же ставит какую-то огромную сумку на пол, начиная в ней копошиться, доставая два пластиковых пакета с какой-то жидкостью, трубку и иглу.

— Это что-то от галлюцинаций? — вяло интересуюсь я.

Алекса и Инга переглядываются друг с другом, а потом смотрят на Криса.

— Она смешала какие-то таблетки с коньяком, — угроженно вздыхает он. — Ей нужно в больницу.

— Если она поступит в больницу, то ее мигом заташат в психиатрическую лечебницу, а нас даже спрашивать не будут, — поясняет Алекса, на что Инга кивает.

— Что ты тогда предлагаешь?

— Прокапать ее, потом вызвать у нее рвоту.

Мой взгляд метается от Криса к Алексе. Если она с ним разговаривает, значит, это действительно Крис, или Алекса

тоже стала плодом моего воображения.

Я хватаю Криса за руку и впиваюсь в его плоть зубами. Могу укусить, он реален. Это не галлюцинация.

— Твою мать, Кимберли! — Он вырывает руку, сжимая ту в кулак. — Какого черта ты делаешь?!

— Проверяла не галлюцинация ли ты.

— О чем ты вообще говоришь? Какие еще галлюцинации?

— Инга, начинай.

Девушка подходит ко мне, затягивает жгут выше локтевого сгиба и растирает руку спиртом.

— Поработай рукой, — просит она.

Я сжимаю и разжимаю кулак, пока Инга втыкает трубку в пластиковый пакет, а другой ее конец — в иглу. Она вводит иглу в вену, а я морщусь и вскрикиваю от неприятной боли.

— Твою мать, почему так больно?! — Я напрягаю все тело, чтобы не чувствовать укол.

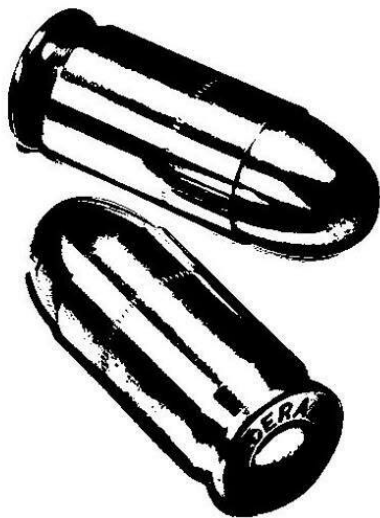
Рука Кристиана приземляется на мою макушку, поглаживая голову.

— Мистер Хайдер, можете поддержать это? — Инга протягивает ему пакет.

Почему она не называет его по имени? Почему сам Крис так холодно ко мне относится? Такое чувство, будто он делает это из жалости ко мне, а может, он разлюбил меня? Тогда зачем приехал? Алекса попросила?

Мне прокапали два пакета с каким-то лекарством, а потом меня начало тошнить. Не знаю, что мне там ввели, но в

туалет я бегала раза три, а после этого меня вырубило.



— Ты зачем вообще приехал? Просила же не вмешиваться, я бы и сама справилась.

Я приоткрываю веки, морщась от тупой боли в голове. Во рту словно пустыня, а живот ноет.

— И как, справилась? Как я знаю, к ней проникли в квартиру и угрожали пистолетом.

— Эта проблема касается моей сети.

— Эта проблема касается моей Кимберли, а ты мне гово-

рила, что сохранишь ее в целостности и сохранности, но я узнаю от своих людей, что ты используешь Ким в своих целях.

Эти двое спорят, и мне было бы все равно на то, что они переговариваются из-за своей работы, но в их диалоге проскочило мое имя.

«Эта проблема касается моей Кимберли».

Я поворачиваю голову и вижу над собой Криса, а потом вскакиваю с его колен, но из-за того, что я резко встала, моя голова начинает кружиться, и я снова приземляюсь на диван.

— Кимми, ты как? — подходит ко мне Алекса.

— Ты меня обманула, — бубню я, смотря в пол.

— Ким, я...

— Зачем ты сказала, что он мертв?

Алекса замолкает, переводя свой взгляд на кузена, но тот прожигает ее своими мутными глазами.

— Ким, я видела, как ты страдала и убивалась. Я не хотела, чтобы ты себя ужасно чувствовала.

— Ты издеваешься?! — повышаю я голос, — Какая тебе вообще разница? Я, мать твою, делала всю работу, помогала тебе с точками и вытаскивала тех шлюх, которые мне вообще не сдались! Какого хрена ты вообще лезешь в мою жизнь?

— Ким, не я послушала Аманду и создала группировку, не я убивала людей ради мести, а теперь мучаюсь от галлюцинаций и не лечусь! — она также повышает голос, задевая струны моей души.

Наверное, я переборщила со своими высказываниями.

— Эта была не моя инициатива, Крис сказал, что тебе так будет легче оправиться.

— Зачем ты вообще этого придурка послушала?

— Эй, я все еще здесь, — напоминает о себе парень.

— Заткнись! — кричим мы в один голос, смотря на Криса.

— Ким, прости, я наговорила лишнего, — раскаивается девушка.

— И ты прости.

Алекса обнимает меня, на что я ей отвечаю взаимностью.

— А Крис точно не моя галлюцинация, и он с нами в одной комнате?

— Точно, — хихикает она.

— Самолет через два часа, у меня нет времени на ваше примирение, Кимберли еще нужно вещи собрать.

Я отрываюсь от Алексы, подозрительно смотря на нее:

— Зачем мне нужно собирать вещи?

— Видишь ли...

— Тобой заинтересовались люди, которые сотрудничают с Алленом, — перебивает Крис. — Если ты не покинешь Россию, то начнутся проблемы у Алексы.

— Том мертв, — напоминаю я.

— Нет, он жив, но его местонахождение мне не известно. Об этом знают лишь я и Алекса, теперь и ты.

— Тот человек, который приходил к тебе, он один из людей Тома, и теперь тебе нужно уезжать, как можно скорее,

— подхватывает девушка.

Я практически потратила весь магазин на Тома, как он выбрался? Нашел выход сквозь задымление и раны? Так и знала, что нужно было его добить. Но и с этим живым трупом я никуда ехать не собираюсь.

— Ты не можешь меня вот так забрать! — Обращаюсь я к Крису, хмуря брови. — А как же мама и Полли? Вы о них подумали?!

Алекса и Крис переглядываются друг с другом, а потом одновременно кивают.

Мне уже не нравится их немое решение.

— Отпусти меня! Я никуда не поеду! — Бью я мужчину кулаками по спине, пока он тащит меня на своем плече, — Ты слышишь меня?

Меня силой вытащили из квартиры, даже не дали вещи собрать, затолкали в машину и просто увезли в аэропорт. Уму непостижимо! Я злюсь на Алексу, но больше всего злюсь на Кристиана. Этот идиот приехал спустя два года и просто выволок меня из собственного дома, будто ничего не произошло! Словно меня не мучали все эти два года кошмары и галлюцинации, а в последнее время он сам! Я не вещь, которую можно просто так оставить черт пойми где, а потом приехать и забрать.

— Мистер Хайдер, куда ее?

— Сажай в самолет, я скоро подойду.

— Нет! Алекса, ну хоть ты вбей в голову своего недораз-

витого кузена, что я не должна уезжать!

— Кимми, послушай, это для твоей же безопасности. За Алисой и Полли я лично буду наблюдать и подставляю к ним больше охраны, и к Владимиру тоже, — морщится она, когда упоминает имя отца Полли.

— Алекса, ты предательница! Я не прощу тебе этого!

— Пойми, если ты останешься здесь, то у Тома под прицелом будешь не ты, а твоя мама и сестра. Тому нужна именно ты, но манипулировать он будет твоими близкими.

— Я не хочу уезжать, — хнычу я.

— И я не хочу чтобы ты уезжала, но так будет лучше для всех. — Алекса целует меня в лоб и меня уводят.

Меня заводят в самолет и усаживают в кресло, пытаюсь пристегнуть мое тело ремнем безопасности, но я бью мужчину по рукам.

— Слышь, я не ребенок, сама пристегнусь. Иди полижи яйца своему боссу и скажи, что если он подойдет ко мне, то на высоте тысячу метров я выпрыгну из самолета.

— Мисс Франкс...

— Я тебе не босс, называй по имени.

— Кимберли, я всего лишь выполняю поручения мистера Хайдера.

— Да мне насрать, просто исчезни с моего поля зрения.

Мужчина молча уходит, но вместо него в самолете появляется Крис и смотрит, как я скатываюсь с кресла на пол.

— Ты ведешь себя как чертов ребенок.

Я показываю ему средний палец, на что тот закатывает глаза.

Да, сукин сын, я буду раздражать тебя так сильно, что ты сам захочешь сбросить меня с этого блядского самолета. Я уничтожу тебя, доведу до точки кипения. Ты прочувствуешь все то, что я испытывала на протяжении двух лет, и да, это месть, но в этом случае она обойдется без крови.

Самолет поднимается в небо, люди Криса находятся в другой части, а мне приходится терпеть компанию этого придурка. Хоть он и сидит поодаль от меня и занимается какими-то делами в ноутбуке, но не буду же я спокойно сидеть.

— Мне скучно.

Крис молчит.

— Мне скучно!

— Я не нанимался клоуном для тебя.

— Разве? А мне кажется, что ты переплюнул сам цирк дю Солей, придумав охренительную шутку со своей смертью. Жаль, что это всего лишь шутка.

Он продолжает пялиться в экран ноутбука, полностью игнорируя мое существование.

— Куда мы вообще летим?

— В Ливерпуль.

— Прекрасно, Англия. И что же ты там забыл? Гроб?

— Я там живу.

Я вжимаюсь в кресло, скрешивая руки.

Поверить не могу, что уроженец Америки живет в Ан-

глии. У меня не было в планах ездить на экскурсии, я надеялась, что меня привезут в Сан-Франциско.

— Ты же в курсе, что у меня галлюцинации, а ты мне даже таблетки не дал с собой взять?

— Ты выпила на год вперед, — издевается он с чертовски спокойным лицом.

— Зачем ты вообще появился? Я вроде ясно дала понять в тот раз, что между нами все кончено, причем два раза!

— Алекса говорила об обратном, — ухмыляется он.

— Она много, что рассказывала.

— Она промолчала про твои галлюцинации.

Я фыркаю, дую губы от злости, которую мне некуда выплеснуть.

— Откуда ты знаешь, что Том жив?

— Наверное, потому что он мой отец? Разве не очевидно?

— Господи, какой же ты противный.

— Я повзрослел, Кимберли, что и тебе советую.

Я снова одариваю его жестом, показывая средний палец.

Оставшиеся три часа мы не разговаривали. Кристиан продолжил игнорировать меня, пока я пила виски, которые нашла в баре. Единственный плюс личных джетов: пей и ешь сколько угодно, расхаживай по самолету, да хоть в кабину пилота зайди, тебе ничего никто не скажет. В кабину пилота я не решилась заходить, но вот посетить телохранителей Криса, на это у меня ума хватило.

— Мисс Франкс, что вас привело к нам? — обращается

один из телохранителей.

— У меня имя есть.

— Кимберли, вам запрещено здесь находится, — говорит тот мужчина, что затаскивал меня в самолет.

Я отмахиваюсь рукой, допивая виски с колой из рокса, в котором осталось два кубика льда.

— Ты давно работаешь на Криса? — указываю я на него пальцем, шатаюсь на ровном месте.

— Я работал на его отца, а на мистера Хайдера я работаю лишь второй год.

— Ты работал на Тома Аллена?! — удивляюсь я, на что тот кивает. — Значит, ты знаешь меня?

— К большому сожалению, я о вас никогда не слышал. Я являлся советником Тома Аллена в Ливерпуле.

Я пожимаю плечами и киваю головой, будто понимаю кем он там являлся. Мне хватило всего лишь одного рокса, чтобы опьянеть, но даже при таком раскладе ненависть к Крису, который уже проник и сюда, до сих пор не разъедается в душе.

— Что ты здесь делаешь? Тебе сюда запрещено ходить, — басистым голосом парирует он. — Почему вы не выпроводили ее? — смотрит парень на двух телохранителей и бывшего советника своего отца. Надо бы спросить его имя.

— А мне что, нужно отпрашиваться у тебя?

Крис только сильнее сжимает мое плечо, и если он увеличит давление — у меня будет перелом. Он вытаскивает меня,

проходя мимо бизнес-класса, в котором мы с ним находились изначально, заводит в туалет и запирает дверь на замок.

— Если ты и напилась, то води себя прилично, а не строй глазки моим охранникам. — Он блокирует меня с двух сторон руками, опираясь на большую раковину, к которой меня пригвоздили.

— Ты что, — прыскаю я. — ревнуешь?

Крис смотрит на меня, пока мои губы искажаются в язвительной улыбке, с прищуром смотря на него в ответ. Да, я пьяная, и да, мне плевать, как я себя веду.

— Хайдер, ты стал чертовски скучным, — склоняю я голову на бок.

— А ты стала вести себя, как самая дешевая шлюха.

Моя язвительность в эту же секунду пропадает, глаза расширяются от его колкого и, скорее всего, случайного признания, но это никак не украшает картину, а только сильнее портит ее, размазывая черные краски по белоснежному холсту. Такого он обо мне мнения?

— Тебе давно кости не ломали, как я погляжу. — Я сжимаю кулаки от резкого приступа агрессии. — Дай мне выйти, или же я тебя ударю, — угрожаю я.

Крис сжимает челюсть, также испытывая злость ко мне. Почему он злится на меня? Не я инсценировала свою смерть, не мой отец убил его отца, не я обманывала и предавала его.

— У тебя со слухом проблемы?

Он протягивает руку к моему лицу, хватая за шею, при-

тягивает к себе и впиивается в мои губы с такой ненавистью, что даже я никогда такой не испытывала. Это не поцелуй, он всего лишь глумиться надо мной, но мое тело поддается и отвечает. Отвечает с такой теплотой и трепетом в душе, что между нами образовывается огненный смерч.

Может, я и хотела, чтобы он поцеловал меня, и, может, он сам это заметил, но по его действиям я бы так не сказала. Крис будто делает это только потому, что я этого хочу, но не он сам.

Парень сжимает мою шею, надавливая на точку пульса, а второй рукой оттягивает резинку моих спортивных штанов, запускает в них свое запястье и проводит пальцем между складок, от чего из меня вырывается приглушенный стон. Но после этого Крис отстраняется, вытаскивая руку.

— Ты потекла лишь от поцелуя, это ли не признак дешевой шлюхи?

После этих слов он поворачивается ко мне спиной, открывает дверь и уходит, не проронив ни слова больше, пока я стою в оцепенении. Мне обидно от его слов, стыдно от самой себя, что я поддалась искушению. Нужно было оттолкнуть его и просто уйти.

Его слова задели меня настолько, что я пытаюсь сдержать слезы. И впервые это получается. Я делаю глубокий вдох, а потом выпускаю весь свой запах кислорода из легких.

Пытаешься вывести меня? Что же, Кристиан, я проиграла только бой, но не войну.

Сполоснув лицо холодной водой, я возвращаюсь в бизнес-класс, где сидит Крис, разговаривая с кем-то по телефону. У меня резко родился план в голове, но осуществить я его не смогу, пока что, поэтому возвращаюсь на свое место.

Как только самолет приземлился и его дверь открылась, я поспешила сразу же выйти, чтобы сделать глоток свежего воздуха, пока меня снова не упекли в машину.

— Саймон, сначала заедем в поместье Алленов, а потом уже домой, — дает указания Крис, на что мужчина за рулем кивает ему.

— Поместье Алленов? Надеюсь, это склеп всей твоей семьи?

— Мечтай, Кимберли.

У Криса есть еще родственники? Живые?

По дороге, в так называемое поместье, я смотрела только в окно, восхищаясь архитектурой города. Все, что я знаю о Ливерпуле, — крупный порт Британской империи, а еще этот город подарил миру такую группу, как The Beatles.

Мы заезжаем во двор трехэтажного особняка, на втором этаже которого, красуется огромный балкон. Тут есть бассейн и фонтан, а еще сад, украшенный пестрыми цветами. А вот и то самое оружие убийства Кристиана — апельсиновое дерево, о котором он мне рассказывал. Когда я вышла из машины, то в глаза бросился герб семейства Алленов, то самое дерево на желтом фоне, и только сейчас до меня доходит, что это дерево ни что иное, как апельсиновое.

На первом этаже нас с Крисом встретил дворецкий и две домработницы, которые странно переглянулись друг с другом, как только увидели меня, и начали перешептываться, косясь в мою сторону. Это они так на мой шрам реагируют? Я распускаю пучок своих черных волос, и те падают на плечи, скрывая уродский шрам на лице.

— Кристиан, мальчик мой! Наконец-то ты соизволил навестить нас! — по лестнице спускается белокурая женщина.

Она одета в длинное платье с каким-то мелким узором, на ушках, шее и пальцах дорогие украшения, явно из одной коллекции. На лице легкий макияж, который подчеркивает ее острые скулы, брови выделены по контуру, а на губах вишневая помада.

Кто это? Она очень похожа на Алексу, но намного старше.

— Кимберли, это моя бабушка, София Аллен, — знакомит нас Крис.

Бабушка?! Да она мне в матеря годится! Ей больше пятидесяти не дашь.

— Надо же, Кристиан привел к нам девочку! — искренне радуется женщина и подходит ко мне, беря мою ладонь в свою. — Какая ты миленькая! — она поднимает мою руку и крутит вокруг моей оси, рассматривая со всех сторон, — Только ты что-то худая, одни только зеленые бусинки и видно! — хихикает она, делая акцент на моих глазах.

Что за бред? Почему меня рассматривают, как чертову куклу в коробке?

— Кристиан тебя совсем не кормит? Крис, что я говорила по поводу девушек?

— Пожалуйста, не начинай, — закатывает он глаза. — И это мой компаньон по работе.

Я смотрю на него, выгибая брови в непонимании и некоем отвращении с его слов.

— Знаю я про твоих компаньонов!

— София, чего ты там визжишь, как в свои девятнадцать на фуршете у Мэтью Харриса?

Я смотрю в сторону лестницы, откуда звучал мужской голос, а потом вижу мужчину с тростью.

— Да ты, осел слепой, даже перед своим носом ничего не видишь!

— Кимберли, а это Филл Аллен, мой дедушка, который был вторым в династии Алленов.

Они родители Тома и Роберта, но как же они отличаются от своих детей. Они такие жизнерадостные. Даже как-то странно.

— Что за прекрасная юная леди к нам пожаловала? — улыбается мне Филл.

София хватает меня и прижимает к своей груди, как родную дочь.

— Кристиан привел свою подружку! — продолжает она радоваться, пока я чуть ли не задыхаюсь.

Теперь я понимаю в кого у Алексы грудь третьего размера. София отпускает меня, и я делаю глубокий вдох, пытаюсь

отдышаться. Еще бы немного и я бы потеряла сознание от недостатка кислорода.

Странное чувство, бушующее у меня в груди. Я стою перед родителями того, кого пыталась убить, стою перед бабушкой и дедушкой того, кому выстрелила в ногу. Из-за меня их старший сын убил младшего, но если они так отреагировали на мой приезд, значит, они обо мне даже и не знают, что меня неописуемо радует.

— Мы уедем завтра, в мой дом еще не завезли мебель и мне нужно поговорить с тобой, дедушка.

— Идите, обговаривайте свои мафиозные дела, а мы пока с этой прекрасной зеленоглазкой посплетничаем, — София заводит меня в обеденный зал. — Девочки, сделайте нам липовый чай.

Липовый чай?! Я уже обожаю эту женщину!

— Как вы познакомились с Кристианом? — она садится за стол, а сажусь напротив.

Интересно, какую часть знакомства я могу ей рассказать? Что я угрожала Крису сломать ему нос, или что ударила его шлемом от мотоцикла, а может, что я хотела убить ее внука? Какую часть этой истории я могу доложить?

— Мы познакомились в университете, учились в одной группе по инженерному программированию, — робко отвечаю я, улыбаясь.

— Ох, студенческие годы, — вздыхает женщина. — Мы с Филлом учились в Кембридже, как сейчас помню. Я, моло-

дая француженка из аристократической семьи, и Филл, преемник мафиозной сети. Он сразу заприметил меня, только вот я была девушкой не простой, — хихикает она. — Хотя я и являлась аристократкой, но избила Филла букетом, который он мне подарил, даже был момент, когда я влепила ему пощечину за то, что он разгуливал с другой девчонкой, — фыркает она, дергая подбородком.

Простреленное колено является пощечиной того времени?

Молодая домработница приносит нам чай в фарфоровых чашках с блюдами, на которых красуются сконы со взбитыми сливками.

— Надеюсь, Кристиан не унаследовал характер своего старика, — отшучивается София.

Поверьте, Крис намного хуже.

— Не волнуйтесь, Кристиан замечательный молодой человек, — нервно посмеиваюсь я. Сама не понимаю, как такое могло вырваться из моего рта.

На протяжении часа София рассказывала мне про свои молодые годы с Филлом, а я выдумывала небылицы про наши отношения с Кристианом. Но я поняла один очень важный факт: София и Филл напомнили мне отношения между мной и Крисом. Да, у нас не так все радужно, мило и романтично, но у Софии проскакивали моменты, которые врезались в мою голову воспоминаниями про время, которое я проводила с парнем.

Я захожу в гостевую комнату на втором этаже, вытягивая руки кверху и потягиваясь. Весь этот день выдался слишком насыщенным, а поспать мне удалось только несколько часов, поэтому я валюсь на огромную кровать, закутываясь в мягком одеяле, но мою безмятежность прерывает звук открывающейся двери, а на пороге стоит источник моего раздражения за последние несколько часов.

— Что ты здесь забыл? — смотрю я на Криса, который проходит в спальню, усаживается на кровать ко мне спиной и начинает расстегивать пуговицы на рубашке. — Ты оглох что ли?

— Я буду спать здесь. — Он снимает рубашку и мне открывается вид на его оголенную широкую спину. Два года назад она казалась мне меньше, а может, я уже и забыла, как выглядит Крис.

Почему он всегда хочет спать рядом со мной?!

Я встаю с кровати, забирая подушку и собираюсь выйти из комнаты, но басистый голос парня меня останавливает:

— И куда ты собралась?

— Попрошу другую комнату, я не собираюсь делить с тобой одну постель.

— В этом доме больше нет гостевых комнат.

— Тогда я буду спать на полу! — рявкаю я.

— Мне плевать, где ты собираешься спать, но есть свободное место в гараже. Уверен, тебе там понравится.

Еще немного, и я его придушу подушкой, но мне придется

оправдываться перед Софией и Филлом.

— Я ненавижу тебя.

Крис пожимает плечами, укладываясь на кровать. Мне пришлось отодвинуть свою ненависть и агрессию на второй план, кинуть подушку обратно на кровать и уснуть рядом с парнем, иначе бы наша перепалка затянулась до самого утра.

И вот опять, мне снится один и тот же кошмар: я сижу на стуле, мои конечности привязаны к нему же и затягиваются все сильнее, перекрывая приток крови, от чего кисти холодеют и я их практически не чувствую. Во рту вкус тошнотворного металла, мне снова разрезали рот и выдавили глаза, я ничего не вижу, но слышу мерзкий смех Аманды над ухом.

Я кричу, дергаю всем телом, чтобы порвать веревки, но у меня никогда не получается этого сделать. В мою руку втыкают что-то острое, и я начинаю кричать с новой силой. Это не нож, больше похоже на отвертку или шило, которое вытаскивают и снова вонзают в мою плоть, и так происходит раз пять или десять, я уже сбилась со счета.

— Думала, что ты избавишься от меня? — продолжает смеяться Аманда. — Убьешь меня и все будет хорошо? Нет, Кимми, я буду преследовать тебя всю твою гребаную жизнь, медленно убивая. Я буду сводить тебя с ума, пока ты сама не решишься на верный шаг.

Мои глаза распахиваются, я вскакиваю с кровати с пронзающим комнату криком. Мои пальцы зарываются в волосы и сжимают их, пока я продолжаю кричать и плакать.

— Ким, Ким, посмотри на меня! — Требует голос Криса.

Я поворачиваю голову на парня и снова начинаю кричать, думая, что это очередная галлюцинация, и отползать назад, пока не сваливаюсь с кровати.

— Кимберли! — Крис подходит ко мне, хватая за лицо и утирает щеки. — Кимберли, посмотри на меня, пожалуйста!

— Уйди! Ты не реален, это все в моей голове! Вылези из моей головы! — вырываюсь я из его хватки.

Неожиданно для меня, Крис притягивает меня к себе и целует в губы, затыкая мою истерику, пихая ту глубже в глотку. Я не сопротивляюсь, всего лишь сижу с расширенными глазами от шока до тех пор, пока парень не разрывает поцелуй.

— Можешь укусить меня за руку, если до сих пор не веришь. — он протягивает руку.

И я кусаю его. Кусаю так сильно, чтобы действительно убедиться, что Крис не галлюцинация.

Мышцы на его руке напрягаются, а я снова начинаю плакать, понимая, что это уже не кошмар, а реальность. Я отпускаю его руку, чуть отстраняясь от Криса, но тот заключает меня в объятия и целует в макушку.

— Тебе просто приснился кошмар, не плач, Апельсинка. Все позади, я рядом.

Сейчас голос Кристиана не звучит таким устрашающим. Он успокаивает меня, вытирает слезы со щек и целует в них же.

Почему же ты днем ведешь себя так, словно ты самый мерзкий человек в этом мире?

«... You couldn't save me

У тебя не получилось спасти меня,

But you can't let me go, oh, no

Но и отпустить меня ты не можешь, ох, нет.

I can crave you, but you don't need to know

Я могу желать тебя, но тебе об этом знать не обязательно»

Billie Eilish — NDA

Глава 6. Ус

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.